

ДИСКУССИЯ

Выступающие:

Е. В. БРЫЗГАЛИНА	заведующая кафедрой философии образования МГУ им. М. В. Ломоносова, кандидат философских наук, доцент
Ю. И. ВДОВИН	доцент кафедры социологии Санкт-Петербургского государственного университета
А. А. ДЯТЛОВ	первый заместитель главного редактора газеты «Комсомольская правда»
А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ	ректор СПбГУП, чл.-корр. РАН, академик РАО, доктор культурологических наук, профессор, председатель Исполкома Конгресса петербургской интеллигенции, заслуженный деятель науки РФ, заслуженный артист РФ
М. И. КОЗЬЯКОВА	профессор кафедры философии и культурологии Высшего театрального училища (институт) им. М. С. Щепкина, доктор философских наук, кандидат экономических наук
А. И. КУПРИЯНОВ	главный редактор газеты «Вечерняя Москва», шеф-редактор газеты «Известия»
С. Л. ЛЕСКОВ	научный обозреватель газет «Комсомольская правда», «Известия»
В. К. МАМОНТОВ	президент ОАО «Редакция газеты “Известия”»
Л. В. МАТВЕЕВА	профессор кафедры методологии психологии МГУ им. М. В. Ломоносова, профессор кафедры дипломатии МГИМО (Университет) МИД РФ, доктор психологических наук
В. Н. СЕРОКЛИНОВ	редактор отдела прозы журнала «Сибирские огни»
В. В. СОГРИН	руководитель Центра североамериканских исследований Института всеобщей истории РАН, доктор исторических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ
В. Д. СОШНИКОВ	заведующий кафедрой журналистики, заведующий кафедрой режиссуры мультимедиа СПбГУП, профессор, заслуженный работник культуры РФ
В. С. СТЕПИН	руководитель Секции философии, социологии, психологии и права Отделения общественных наук РАН, академик РАН, доктор философских наук, профессор, Почетный доктор СПбГУП
В. Т. ТРЕТЬЯКОВ	декан Высшей школы (факультета) телевидения МГУ им. М. В. Ломоносова
Н. А. ХРЕНОВ	заместитель директора по научной работе, заведующий отделом теории искусства Государственного института искусствознания, профессор кафедры эстетики, истории и теории культуры Всероссийского государственного университета кинематографии им. С. А. Герасимова, доктор философских наук

А. С. ЗАПЕСОЦКИЙ: — Уважаемые коллеги! На мой взгляд, сегодня здесь должна состояться одна из наиболее интересных дискуссий Международных Лихачевских научных чтений. В зале собрались интересные докладчики, практики, крупные ученые, что обещает серьезное и глубокое обсуждение проблем в сфере культуры и коммуникации.

От Оргкомитета Чтений прошу придать дискуссии менее прикладной, но более общефилософский характер, поразмышлять над тем, что происходит с коммуникациями вообще. Мы часто рассматриваем коммуникации как утилитарную составляющую нашей жизни, источник, из которого мы получаем информацию, развлечения. Но, анализируя ситуацию в системе массовых коммуникаций в последние годы, очевидно, что система массовых коммуникаций становится «нашим всем» (а раньше мы говорили, что «Пушкин — наше все»), причем я вкладываю в это выражение не лучший смысл.

Речь идет о том, что система массовых коммуникаций не только в нашей стране, но и во всем мире начинает играть особенную роль, отличающуюся от той, которую они исполняли 15–20 лет назад. И дело здесь не просто в увеличении их мощности, распространении, не в том, что появился Интернет, который предоставил новые возможности. Дело в том, что в определенный момент объем информационных потоков перешел в совершенно новое качество, над которым следует задуматься в философско-культурологическом плане.

Например, в нашей стране функция воспитания подрастающего поколения была изъята у воспитателей, школьных учителей, вузовских профессоров и передана телевидению. Интернет уже давно не является средством свободного общения, с его помощью манипулируют общественным сознанием. Манипулирование сегодня заменило традиционные институты демократии на Западе.

Недавно я выступал в Берлине, где собралось примерно 300 журналистов. Я им сказал, что все они — орудия манипуляции. 15 лет назад 5 американских корпораций производили порядка 80 % всех новостей в мире, сейчас монополизация дошла до того, что 3 американские корпорации производят 92 % новостей во всем мире. Сейчас западная пропаганда обрабатывает западную аудиторию намного лучше и эффективнее, чем в свое время пропаганда Геббельса. Немецким журналистам это сравнение не понравилось не потому, что было произнесено слово «Геббельс», а потому что мы отразили суть происходящего.

Тридцать лет назад властителями умов в мире были ученые, литераторы, крупные писатели, общественные деятели, философы. Например, Сартр выступил со своей концепцией, и она овладела миром. До него свою идею предложил Анри Барбюс. Для того чтобы заставить правительство изменить позицию, один писатель мог написать письмо 15 писателям в разных странах мира, и политика правительства менялась. Американская общественность положила конец войне во Вьетнаме. Военные силы Америки, конечно, проигрывали, но война еще долго бы продолжалась, если бы не вмешалась общественность. Если бы сегодня американцы вели войну во Вьетнаме, американская общественность спокойно бы воспринимала те же самые зверства, может быть, их не показывали или показывали бы совершенно иначе. Эта картина сегодня создается в рамках западного общества.

Кто сегодня влияет и стоит за информационными каналами? Владельцы корпораций, которые тесно аффилированы с властными структурами. Кто управляет миром? Что происходит с информационными потоками? Мы видим, что сейчас под информационным влиянием искажается сущность человека, появляется новый тип человека. Мы долго говорили о том, что формируется «клиповое мышление». Но оно уже сформировано, в течение последних 15 лет во взрослую жизнь вступают новые поколения с «клиповым мышлением». Это означает, что они не имеют той картины мира, которая была присуща людям, воспитанным в наше время. Прогресс пошел вспять. У многих из тех, кто входит во взрослую жизнь, деформировано сознание.

На нашем заседании присутствует выдающийся российский философ Вячеслав Семенович Степин, автор глубоких философских работ, он относится к числу людей, которые теоретически наиболее глубоко исследовали процессы, происходящие с информационными потоками. Здесь присутствуют крупнейшие российские журналисты: Виталий Товиевич Третьяков, представляющий лучшую часть отечественной журналистики; Владимир Мамонтов, один из ярчайших и думающих российских журналистов, президент «Известий»; Андрей Дятлов, представляющий «Комсомольскую правду», крупнейший опытный журналист; и видные теоретики, которые представили свои доклады на Лихачевские чтения.

Сегодня в рамках Международных Лихачевских научных чтений проходят заседания восьми секций с участием около 1500 человек, в Театрально-

концертном зале собрались более 700 школьников для обсуждения идей и наследия Д. С. Лихачева.

Надеюсь, что здесь состоится интересный разговор, в котором примут участие и те, кто идет нам на смену.

Слово предоставляется академику Вячеславу Семеновичу Степину.

В. С. СТЕПИН: — Сейчас важно определить круг проблем, о которых мы должны дискутировать. Одна из важных проблем, которую сегодня сформулировал Александр Сергеевич, — как сегодняшнее состояние цивилизации, ее технологии меняют традиционные ценности, связанные со СМИ, коммуникацией, традиционными институтами. Александр Сергеевич сказал, что сегодня само понятие «демократия» проблематизировано, потому что демократия — это свободные выборы и идеи, свобода волеизъявления. Но существует система программирования (жесткого и мягкого) людей, поэтому люди думают, что обладают свободным волеизъявлением и могут отстаивать свои интересы, голосовать, но впоследствии оказывается, что это совершенно не совпадает с реальными интересами страны, их социальной группы, их самих.

Я вспоминаю, как известный советский и российский артист Василий Лановой, выступая на заседании клуба «Свободное слово», рассказывал: «Я приехал к своей сестре на Полтавщину в 1990-х годах. Она была активной демократкой, ратовала за суверенность Украины, а первыми словами, которыми она меня встретила, были: “Василий, шо мы не рабы?”» То есть люди со временем осознавали, что то, что они сделали, — вовсе не то, чего они хотели, и, может быть, в момент, когда они были охвачены общим чувством, ими манипулировали. Это первая важная проблема — проблематизация фундаментальных социальных институтов, таких как демократия, свободное волеизъявление, права человека, то, за что мы держимся, что выступает как идеал. Как современные технологии, современный мир деформируют ценности и какие здесь возникают возможности и сценарии развития? В этом круге проблем особо стоит вопрос о СМИ и средствах массовой коммуникации.

Маршалл Маклюэн был совершенно прав, когда подчеркивал, что состояние культуры во многом зависит от средств кодирования социального опыта, которые могут этот опыт сохранять, транслировать и расширять поле трансляции, охватывая все большее число людей. Он справедливо выделял дописьменное общество, общество с письменностью и подчеркивал, например, что в дописьменных обществах невозможны право и государство, там совершенно иначе понимаются базовые ценности, такие как справедливость и т. д. Затем появилось книгопечатание, «галактика Гутенберга», когда возникла массовая читающая публика и образование стало массовым. В условиях ранних стадий письменного общества, например в древней египетской цивилизации, писцы были привилегированным слоем общества, и то, что они писали, переписывали и хранили, было часто засекречено, оставалось достоянием жрецов, фараонов. И массовой грамотности тогда не было.

Потом следует возникновение средств массовой информации, газет, означавшее переворот в социальных коммуникациях. В связи с появлением СМИ возникли особые формы организации малых социальных групп. Малые социальные группы — это фундамент социальной жизни, они всегда предполагают непосредственную коммуникацию людей. Большие социальные группы — это классы, сословия, нации, которые существуют не сами по себе, а только формируясь на основе малых социальных групп: семья, друзья, футбольные болельщики, театралы, профессиональные объединения людей и т. д. В Советском Союзе производственный коллектив многие считали вторым домом. Например, В. М. Межуев в личной беседе однажды сказал мне, что Институт философии — это его первый дом.

Сегодня возникли новые способы образования малых социальных групп, а это реальная социальная структура общества, которая подлежит особому анализу. Кстати, такой анализ фактически не был сделан, потому что в данном случае необходимо совместить социологию и современную информатику, особенно, это актуально в связи с Интернетом.

Последний слой, по Маклюэну, с которым мы сейчас имеем дело, — компьютерное письмо, компьютерные сети, Интернет. В СПбГУП уже проводился круглый стол, посвященный этой теме, на котором было высказано много интересных идей, в частности о том, что такое виртуальная реальность и как воздействует Интернет на умы людей, какие открывает возможности.

Идеи Маклюэна справедливы, каждая новая технология обуславливает передачу программ социального поведения, общения, деятельности. Я определяю культуру как системно организованную, сложную, развивающуюся систему надбиологических программ человеческой жизнедеятельности, деятельности поведения и общения людей. Именно программы, которые обязательно воздействуют на нас, надстраиваются над биологическими программами и регулируют их. Регулятивная роль программ социального общения, поведения, деятельности фиксировалась и Фрейдом, и неофрейдизмом, и Юнгом, и другими направлениями. Существуют работы на эту тему, например «Философия языка» Хайдеггера, в которой он показал, как язык программирует человека.

В культуре существуют сложные иерархии смыслов, в фундамент заложены мировоззренческие идеи и ценности, определяющие картину мира, на которую ориентируется тот или иной человек, воспитанный, сформированный в данной культуре, а другая культура может задавать, продуцировать иную картину.

В связи с этим мне хотелось бы выделить следующие вопросы: как появление новых технологий, новых средств коммуникации меняет социальные связи людей и какие происходят изменения в этой картине? Это очень важная проблема.

Цивилизация, в которой мы живем, находится на переломе. Что из этого получится, трудно сказать. Мы находимся в состоянии фазового перехода: заканчивается один тип цивилизации, который зародился в эпоху Ренессанса, Реформации и раннего Просвещения

и сформировал определенную систему ценностей. Эта система ценностей всегда лежала в основе современной техногенной цивилизации. В ее основу заложена идея научно-технологического прогресса, который через экономику, производство меняет предметную среду социальной жизни, связи и отношения людей, способы их коммуникации, причем все это происходит в ускоренном режиме. В техногенной цивилизации ценятся инновации, в противовес традиционному обществу, где главная ценность — традиции, а не инновации. Эта цивилизация породила глобальные кризисы, постоянно их обостряет, при этом непонятно, как из них выйти. Очевидно, дело в глубинных ценностях этой цивилизации, необходимо проанализировать, как они сейчас трансформируются.

Цивилизация прошла три стадии развития: доиндустриальную, индустриальную и сейчас находится на постиндустриальной стадии. На постиндустриальной стадии она сформировала, как многим кажется, желательное для людей общество, которое сейчас называют обществом массового потребления или потребительским обществом, и создала определенные культуры этого общества и все, что обслуживает их, само общество — определенные культурные установки, ценности, которые часто преподносятся нам как желательный образ жизни будущего.

На эту тему можно долго говорить, уже сформулирована идея о том, что если все человечество (7 млрд) достигнет такого уровня потребления, как Соединенные Штаты Америки на современном этапе развития, в частности в потреблении энергии, то все разведанные энергетические ресурсы будут исчерпаны в течение 15 лет: в США примерно 300 млн человек потребляют 42–44 % мировой энергии. Концепция «золотого миллиарда» известна. Важно проанализировать, что происходит с фундаментальными ценностями (права человека, демократия, свободное волеизъявление) в современных условиях, как они деформируются, как средства массовой коммуникации стимулировали эти деформации и сохраняют деформированные ценности, к чему это приведет? Эти проблемы всегда остаются за рамками дискуссии, когда обсуждаются современные коммуникации.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Вячеслав Семенович в своем выступлении представил историко-теоретическую базу того, о чем я хотел рассказать. Действительно, сейчас, проблемы журналистики, поднимаемые в статьях философов, социологов, — это конъюнктурная прагматика: кто-то хочет кого-то обличить — и выше этого дискуссия не поднимается, либо видна тенденциозность, то есть выбирается энное количество текстов, из которых выводится то, что хотелось бы. Я думаю, что философы, которые решили бы проанализировать тексты (причем под текстом я понимаю и изображение — это тоже текст), представленные в средствах массовой информации России, допустим, циркулирующие в течение года, получили бы как минимум базу для

интересных выводов. Каждый отдельно взятый журналист субъективен. Суммарно (даже в своей субъективности) это карта в том числе и заблуждений данного общества по тому или иному поводу. Кроме того, журналисты навязывают свою точку зрения обществу. Я сейчас близок к завершению своей теории телевидения, в которой затрагиваю и политический вопрос. Сегодня это проблема средств массовой информации вообще.

Хотелось бы проанализировать то, чем является телевидение сегодня, и в этом контексте изложить несколько тезисов. У меня есть проверочный вопрос, который я задаю в том числе и своим студентам, но на который никогда не получаю правильного ответа как от молодых, так и от опытных журналистов, уже работающих на телевидении: «Какой самый распространенный жанр телевизионной передачи, телевизионного продукта на телевидении?» Обычно отвечают: ток-шоу, сериалы, но это неправильный ответ. Конечно, это реклама. Сбивает слово «телепередача», но телепередачей теперь называют все — от фильма до «Спокойной ночи, малыши» и «Дома-2». Передача — это как заметка в газете. Причем интересно, что в рекламу не вторгается ни один другой жанр, хотя она использует все, вторгается в любую телевизионную передачу, даже в информационные выпуски. Правда, в программу «Время», транслируемую по «Первому каналу», не вставляют рекламные блоки, но на всех остальных каналах и в шестичасовых вечерних новостях по «Первому каналу» реклама тоже выходит. Если в течение нашего сегодняшнего разговора каждые 15 минут будет вбегать девушка и рекламировать прокладки, а другая — зубную пасту, а третья — еще что-то, то они передадут нам свою стилистику.

— *Во время прямой линии с Президентом России реклама тоже транслируется.* (реплика из зала)

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Вы просто не замечаете. Прямая линия транслируется без рекламы потому, что она сама является гигантским четырехчасовым рекламным роликом и самой дорогой рекламой. Не существует такой фирмы, которая сможет оплатить свою рекламу внутри прямой линии Путина, если бы такая фирма была, она являлась бы главным бенефициантом в нашем государстве, по статусу равным президенту.

Все знают, что такое реклама, рынок, общество потребления. Люди смотрят телевидение и думают, что все искажают продажные журналисты, которые показывают свое, поэтому нужно критически на это смотреть. Оказывается, не журналисты это определяют.

Вторая тенденция. Телевидение — по-прежнему самое мощное средство массовой информации, поэтому оно будет определять (не важно, какова его технологическая основа) ценности новой жизни. Если там постоянно присутствует реклама, выводы можете делать сами. В журналистских статьях пишут обо всем, но до сути не добираются. Я буду рад, если кто-то из студентов возьмется написать курсовую, а еще лучше дипломную работу на следующую тему: нужно взять программу телепередач за неделю 2013, 2003, 1993,

1983 годов и сравнить их, проанализировать, как каждые 10 лет трансформируются названия передач. И вы увидите, что от марксизма-ленинизма (контент был заполнен серьезными темами) сейчас наблюдается движение в сторону развлекательности, комедийности. Пока эта тенденция продолжается.

Третья тенденция. Сегодня все говорят о «клиповом сознании», и Александр Сергеевич упомянул об этом. «Клиповое сознание» всё воспринимает как некую картинку. Для меня и текст, и изображение — это все равно текст. Если «клиповое сознание» рассмотреть применительно к конкретному тексту, то я бы назвал это «анекдотизацией». Обратите внимание на постмодернизм: современные романы — это попытка для читателя, знакомого с произведениями Пушкина и даже Набокова. Они состоят из набора анекдотов, коротких рассказов той или иной степени глупости, пошлости и остроумия. Повсеместно наблюдается анекдотизация литературы, текстов. Сегодня выпускаются передачи, которые так и называются «Анекдоты», «6 кадров», где экранизируют анекдоты.

Можно указать еще на ряд тенденций, которые трансформируют ценности. Существует партия Twitter'a (об этом тоже можно поговорить) — это анархо-плюрализм. Анархия рано или поздно завершится авторитарным режимом, иного не дано. А в нашем случае она закончится демократическим тоталитаризмом, собственно, к которому мы уже близки.

Еще раз о телевидении — это самый мощный источник воздействия. Что такое телеэкран? Это внешний символ, атрибут медиаверы. Раньше в красном углу каждой избы стояли иконы, теперь — телевизор. Мы не заметили, как сначала появился один телевизор, а теперь целый иконостас, рассеянный по квартире. К анализу проблемы должны подключиться культурологи, философы и сравнить изображение на иконе (от живописного до содержательного) и в телевизоре. На иконе, как правило, скорбный взгляд, икона, где всегда смеются, — телевизор. На многих иконах изображен ад и грешники, за грехи подвергающиеся мучениям. Эти грешники, во-первых, всегда изображены внизу иконы, во-вторых, там присутствует натурализм, но не настолько подробный, нет движения. И вдруг весь этот ад оказывается в центре иконы с подробностями, по крайней мере 5 минут эту картину ада можно просматривать. Суммируя все это, можно сделать очевидные выводы.

И последнее. Телеведущий подменил журналиста, журналистика вытесняется, в печатных СМИ она еще присутствует, а на телевидении уже находится в «почетном» гетто. Поразительно, что передовое технологическое средство распространяет невежество, где важно сохранять скорость. С помощью Интернета массово распространяются профанные очевидные знания, с помощью телевидения — невежество. С какой скоростью идут оба процесса и какой из них доминирует? Я считаю, что доминирует распространение невежества, чему мы многократно являлись свидетелями на конкретных экзотических примерах относительно того, что вокруг чего вращается, и т. д. Создается печальная картина. А мы привыкли, что завтра будет лучше,

чем сегодня, послезавтра еще лучше и вообще мы идем в светлое будущее, сначала коммунизма, а теперь капитализма. Кажется, мы движемся по замкнутому кругу.

Есть что анализировать, над чем размышлять и о чем спорить, пока это все, на мой взгляд, происходит довольно поверхностно, на уровне политического переругивания по поводу того, кому больше заплатили, а нужно обсуждать более существенные проблемы.

А. И. КУПРИЯНОВ: — Виталий Товиевич, как в ближайшем будущем будут соотноситься сетевое телевидение, потоковое и каналное, дециметровое?

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Относительно процентного соотношения нужно беседовать с «технарями» от телевидения, с теми, кто занимается развитием технологических платформ. Для меня не важен технологический носитель, важно, сколько экранов находятся рядом с человеком, а их становится все больше и больше, в том числе на вокзалах, в поездах, самолетах и т. п. Причем возникают подозрения, что они не только показывают, но и снимают, это отдельная тема. Сейчас много производителей телеконтента, наблюдается сетевой анархизм, в том числе и малых телеканалов. Я исхожу из того, что нормальный человек не может из тысячи телеканалов отобрать те, которые его интересуют. Большинство будут испытывать в этом потребность, которую будут удовлетворять специальные структуры по отбору. Мы уже это видим — спутниковое телевидение продает пакеты телеканалов. Кто будет осуществлять выбор? Мне не важно, будут этим заниматься маленькие фирмы или большие, вновь созданные из людей, знакомых с данной проблематикой, то есть из работников медиасферы. Но тенденция пока такова — мощнейшие телехолдинги той или иной страны (в России это ВГТРК, «Первый канал») будут производить так называемый видеоконтент и абсорбировать другой, который появляется стихийно, под себя. Как будут передавать изображение в конкретный город — эфирным образом или сетевым, на мой взгляд, не принципиально. Положение естественных монополий в виде «Первого канала» и ВГТРК, на мой взгляд, никто поколебать не сможет. Если их не реформировать, если не будет принято специальное решение, то будет именно так.

В. К. МАМОНТОВ: — Я хотел бы сделать несколько замечаний, которые, может быть, добавят возможностей подискутировать. Виталий Товиевич упомянул об анекдотизации. Можно создать пост в “Facebook” и получить на него огромное количество положительных откликов типа «ха-ха-ха», «во дает» и подобных, собрать эти «лайки» и ощутить себя Господом Богом на три секунды перед этой аудиторией. Что по смыслу? Ничего. Пустота. Как в фантастическом рассказе о галетах «Пупс»: «Во рту галеты тихо пищат “пупс... пупс...” и тут же... испаряются. Словно раскусываешь зубами маленькие резиновые шарики, надутые стопроцентным воздухом...» Нет вкуса, а ощущение, что ты что-то съел. У меня все чаще возникает ощущение, что в нашей медийной сфере эти вещи все заполнили. Что служит продуктом для анекдотизации, когда

никто ни во что не хочет вникать, «клипового мышления»? Я согласен с тем, что это Митрофанушка в разном возрасте, есть достаточно солидные Митрофанушки. В общем дело зашло далеко.

Недавно в “Facebook” прошел интересный опрос: надо было решить простейший пример: $1 + 2 \times 6$. Правильно решили этот пример менее 50 % образованных людей, которые составляют аудиторию “Facebook”. То, что люди решили этот пример неправильно, для меня означает (возможно, я ошибаюсь), что в большинстве случаев эти забывшие арифметику, а также этику, биологию и, возможно, что-то еще люди в основном принимают абсолютно неверные решения. Это связано не только с образованием, арифметикой, выхолащивается трудовая модель: надо потрудиться, чтобы что-то вспомнить. Порядок действий прост, но это надо знать. Мы медийной сферой выхолащиваем дело и делаем людей несчастными. Это мне кажется очень важным.

На пленарном заседании Александр Сергеевич привел хороший пример — указал на различие между сериалом «Школа» и фильмом «Доживем до понедельника». Это, к сожалению, очень правильная вещь.

Хотел бы развить еще одно замечание, которое здесь уже прозвучало. Среди журналистских заблуждений, о которых говорил Виталий Товиевич, можно выделить такое: главное — содержание, новость, событие, эксклюзив, а как подать (в виде печатной заметки, в Интернете, социальной сети, на экране телевизора), — это всего лишь вопрос формы.

Я искренне благодарен Вячеславу Семеновичу, который процитировал Маклюэна и тем самым подсказал мне мысль, что ты всегда продан, только не всегда об этом знаешь. Мы с шеф-редактором «Комсомольской правды» Ганелиным постоянно спорим на эту тему. В частности, он говорит: «Дайте мне новость, а мы ее на бумаге подадим», на что я отвечаю: «Ты не замечаешь, как новость в зависимости от того, куда она попадает, в какой сосуд, меняется сама и меняет тебя. Меняя тебя, она подтачивает, как червяк, и, значит, ты уже другой, но ты не замечаешь этого». В этом суть манипулятивности, на мой взгляд. Если мы об этом здесь поговорим и разовьем мысли Маклюэна, Вячеслава Семеновича Степина и мои, это будет интересно.

В выступлениях упоминались важные понятия, например «компьютерное письмо»: интересное сочетание старинного термина «письмо» с современным термином, еще не очень определенным и ясным. Мне кажется, то, что мы здесь попытались оценить культуру, сформулировать некоторые выводы, чрезвычайно важно. Для меня, например, культура — это система запретов. Пока самоцензура позволяет человеку оставаться в рамках той парадигмы, о которой говорил Вячеслав Семенович (он возвел ее к Ренессансу и довел до сегодняшнего дня). Мы сомневаемся сейчас, будет ли она работать, останется она или нет, это важный момент.

Слово предоставляется Андрею Анатольевичу Дятлову.

А. А. ДЯТЛОВ: — Мне кажется, что сегодня мы говорим правильные вещи. В Америке произошла такая история. После того как США фактически проиграли

войну во Вьетнаме, во-первых, они с почетом уволили всех генералов, которые вели эту войну; во-вторых, переписали все боевые уставы, поскольку война по этим уставам не могла быть выиграна. И уставы начали создаваться по простому принципу: как только их понимают новобранцы, которые приходят в американскую армию, устав начинает действовать.

В настоящее время в средствах массовой коммуникации, в сфере их воздействия на людей наблюдается такая же ситуация, как с газетами. Последние 10 лет все говорят о том, что газеты отомрут. Сейчас другие средства массовой информации (телевидение, радио) тоже начинают защищаться. На мой взгляд, они через некоторое время не будут играть той роли, которую играют сейчас, по той причине, что есть “Facebook”, “Twitter” и прочие, где человек может не просто отреагировать на то, что он прочитал, но и поделиться своим мнением. Он уходит в сообщество, где его выслушают, и эти «лайки» для него очень важны, потому что он ощущает себя востребованным.

Меня не пугает то, что «Первый канал» доминирует на телевидении (или второй, третий, четвертый, пятый), потому что когда вы приходите домой, то включаете телевизор не для того, чтобы посмотреть сериал, а для того, чтобы создать фон: вы ходите, смотрите, готовите, ужинаете, переключаете каналы, и вам не важно, что говорят. Люди в Интернете более восприимчивы к тому, что им скажут, потому что понимают, что возникнет реакция на то, что они разместили. По телевизору такой реакции нет, потому что это фон.

Я думаю, что лет через 10, а может быть, и раньше люди создадут программу, которая позволит им программировать то, что они хотят видеть. Например, я в Интернете набираю список фильмов, которые хотел бы посмотреть, список информационных программ, и телевизор будет показывать то, что мне реально хочется увидеть.

В. С. СТЕПИН: — Если такие компьютерные программы будут созданы, может быть, они будут формировать программные пакеты. И тогда человек сможет из этого пакета выбирать.

А. А. ДЯТЛОВ: — Мне нравится, что я затронул актуальную тему. У меня есть аргумент — это мой двухлетний внук. Я долго думал, что подарить ему на День рождения, и подарил iPad. Этот маленький человек, еще не умеющий говорить «дедушка», абсолютно свободно ориентируется в iPad'e, смотрит мультфильмы, играет, рисует и т. д. Ребенок с двух лет приучается к тому, чтобы использовать только ту информацию, которая ему нужна.

С газетами уже происходят такие метаморфозы: люди перестали на них подписываться и покупают у метро только то, что нужно. Такое же будущее ждет и телевидение. На мой взгляд, это хорошо, потому что поток информации, который нам предлагают, очень широк, все освоить невозможно, вследствие чего телевизор воспринимается лишь как фон. Каналы, которые нам нужны, мы будем выбирать сами. Воздействие на умы будет снижаться. Социальные сети — та площад-

ка, где люди будут общаться между собой и при этом участвовать именно в тех сообществах, в которых хотели бы. И это на самом деле хорошо, потому что любая идеологизация тягостна. Невозможно целый день читать информацию, которую тебе предлагают. Человек хочет и должен жить своей жизнью, поэтому он сам определит то, что ему предлагают, чем ему хочется заниматься. Если наше государство «пойдет» в социальные сети, для того чтобы регулировать умы через потоки, которые человек определяет сам, то продвинется довольно далеко. Это тоже плохо, потому что человек в своих соображениях должен быть свободным. Мне нравится, что социальные сети развиваются очень активно. Приведу один аргумент в пользу того, что это правильно: в прошлом году аудитория «Яндекса» превысила аудиторию «Первого канала» в два раза.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Елене Владимировне Брызгалиной.

Е. В. БРЫЗГАЛИНА: — Я хочу продолжить дискуссию и поддержать уникальный формат Лихачевских чтений: предварительно я достаточно подробно ознакомилась с опубликованными на сайте докладами и хотела бы высказаться по поводу идей, которые прозвучали.

Я хочу поговорить не о культуре в целом, а об образовании как системообразующей части культуры во взаимоотношениях с коммуникацией. Образование может быть рефлексией над коммуникацией. Мы сегодня наблюдаем, как коммуникативистика становится учебным курсом, образовательно-исследовательским направлением. Поддерживаю коллег, которые сетовали на то, что мало теоретических работ, но тем не менее объем качественных работ увеличивается. Сегодня среди учебных дисциплин и направлений подготовки уже есть социология коммуникаций, психология коммуникаций, межкультурная коммуникация, реклама и связи с общественностью и т. д.

Если рассматривать образование и коммуникацию во взаимодействии, то возникает спектр позиций, зависящих от определений. Я понимаю коммуникацию как процесс общения между людьми посредством передачи информации в виде символов, который включает источник, адресанта, каналы передачи информации и кодирования, дешифровку и содержание. Данный процесс можно оценить с позиции эффективности (достигнуты ли цели коммуникации), контролировать, направлять, им можно манипулировать, учитывать цели и мотивы адресатов, контекст и т. д.

Если определять образование, то о нем можно говорить в четырех разных смыслах, и соответственно возникают четыре вида взаимоотношений с коммуникацией.

Первое понимание — образование как ценность. Я полностью разделяю определение ценности, которое на пленарном заседании дал Вячеслав Семенович Степин. Хочу обратить внимание, что образование не может существовать без постижения сущности, а сущность образования зависит от целевого понимания, целевой трактовки. И когда коммуницируют по поводу

понимания образования, это в первую очередь коммуникация относительно целей. Среди всех говорящих на эту тему субъектов можно выделить два ключевых — государство и индивид. Основная коммуникация по поводу целей образования происходит именно между ними.

Существуют две модели понимания целей образования между индивидом и государством. Первая модель, в литературе ее иногда называют «американской», указывает на то, что образование развивается ради интересов индивида, личностного роста. В такой модели обычно отсутствуют государственные формы контроля за содержанием образования, эта функция переложена на ассоциации гражданского общества. Как правило, такое образование платное во всех смыслах, можно говорить о прямом финансовом эквиваленте или затратности как таковой.

Вторая стратегия, к которой тяготеет Россия, это модель образования, в которой понимание целей образования закладывается со стороны государства, как правило, финансирующего это образование. Соответственно образование как коммуникативная практика в такой модели рассматривается как направленное на достижение социально измеряемого результата. Образование тогда становится формой ответа на вызовы культуры, и критерии оценивания практики образования связаны с адекватностью ответов на эти вызовы.

Часто говорят, что образование не соответствует реальным запросам, но если образование ориентируется на настоящее, оно неизбежно будет рассматриваться как устаревшее. Рассматривать образование с позиции будущего невозможно, сегодня уже звучали слова «фазовый переход как состояние современной цивилизации». Поэтому ценность образования неизбежно оценивается с позиции настоящего, и тогда оценка эффективности образования строится не на основе содержания, а на основе инструментального или процессуального оформления. Вспомните споры о критериях эффективности вузов, вообще идею рейтингования, идею оценки публикационной активности по индексам цитирования, количества публикаций и т. д.

Если обратиться к анализу направления реформирования национальных образовательных систем, то очевидно, что это стремление к внешним, формальным атрибутам образования, их масштабирование под некоторые образцы эффективности–неэффективности, по сути, это замена коммуникаций по поводу ценности образования разговорами о его стоимости.

Второе понимание образования, которое также сказывается на понимании коммуникации в образовании, — образование как система образовательных учреждений. В этом случае коммуникации между ними строятся по вертикали и горизонтали в условиях многопрофильности, разных форм собственности, когда на образовательном рынке существуют и образовательные учреждения с давними традициями, и вновь открываемые инновационные, и вся среда конкурентна. Это приводит к тому, что связи с общественностью как способ коммуникации образовательных учреждений развиваются очень интенсивно. Сегодня во всех вузах есть соответствующие структуры, на которые возложе-

ны именно эти цели коммуникации с аудиторией, как внешней, так и внутренней. Отрадно, что непрямая реклама, а именно долгосрочные связи с общественностью, которые опираются на инструменты долгосрочного позиционирования, сегодня рассматривается как ключевое направление коммуникаций в этой трактовке образования.

Третье понимание — образование как результат. В этом случае коммуникация может быть оценена как один из ключевых результатов современного образования. Произошла смена образовательных стандартов, переход от знаний к компетентностной парадигме привел к тому, что результаты образования формируются в виде требований к качествам обученного субъекта. И среди этих требований значимую роль играет достижение коммуникативной компетентности. В образовании главным становится не получение знаний и навыков, которые скоррелированы с устоявшейся социальной реальностью, а набор навыков, направленных, условно говоря, в будущее, как считали разработчики стандартов. Возникает опасность так называемой беззнаний парадигмы, когда можно обладать коммуникативной компетентностью, например уметь спорить, работать в команде, отстаивать собственную позицию, но эта компетенция может не опираться на содержание. Мы, преподаватели, знаем, насколько сегодня мозаичны знания, как трудно в аудитории привести пример, который был бы понятен значительной части. Быстрое устаревание знаний как базиса, стремительная трансформация социального взаимодействия меняют смысл образования для индивидов в направлении всевозрастающей прагматизации оценок. Это связано с тем, что образование становится менее фундаментальным, что проявляется в том числе и в отношении к гуманитарной компоненте естественно-научного образования. Это «работает» и в обратном направлении, когда представители социогуманитарного направления критически относятся к естественно-научным дисциплинам.

Последняя трактовка — образование как процесс — пожалуй, наиболее интересна. В этом случае коммуникация и образование равны друг другу по объему, коммуникация есть условие образования. Здесь мы можем обсуждать и роль СМИ в этом процессе, и изменение трактовки соотношения «студент–преподаватель», и разрушение мотиваций, и изменение самих субъектов образования.

Последний тезис — проекция в будущее. Если мы считаем, что коммуникативистика указывает на конструирование реальности через постоянные процессы интерпретации, то можно сказать, что реформирование образования фактически связано с изменением структуры коммуникативных процессов. И в будущем, вполне вероятно, нас ждет большая дифференциация. Минимизированное «живое» образование в общении, основанное на целевой компоненте, связанной с формированием индивидуальности, укорененной в культуре, и массовое образование — дистантное, утилитарное, прикладное, развлекательное, визуализированное. А социальные и культурные последствия этого еще предстоит оценить.

В. К. МАМОНТОВ: — Я хочу поблагодарить Елену Владимировну за «структурную решетку», которую она нам предложила, это очень важно.

Слово предоставляется Валентину Дмитриевичу Сошникову.

В. Д. СОШНИКОВ: — Наша секция называется «Культура и коммуникации». Мне кажется, что это не очень точное название. Разве культура не является одним из коммуникаторов? Геббельс говорил: «Когда я слышу слово “культура”, я хватаюсь за пистолет». Общество должно быть идеологизировано, идеология должна существовать, если нет идеологии, у общества нет перспективы. Другое дело, что существует и идеология фашизма, но идеология идеологии рознь.

В. С. Степин затронул тему технологизированной молодежи. Мы вчера принимали государственный экзамен у наших выпускников. Когда вопросы касались технологий, все было прекрасно, когда гуманитарных проблем, гуманитарных дисциплин (литературы, истории) — очень тяжелая ситуация. Наши учащиеся все больше ориентированы на практику, рассчитанную на потребление необходимых качеств. Действительно, сегодня активно развиваются информационные, компьютерные технологии, дети 5–6 лет уже сидят за компьютером.

Прежде всего нужно обратить внимание на духовную жизнь. Я не призываю к тому, чтобы все обязательно были религиозно настроены, но духовная жизнь сегодня полностью отсутствует. Приведу один пример. В конце 1960-х годов со спектаклем «Зримая песня», который стал классикой студенческого театрального мира, я объехал всю Европу. И я помню, когда мы общались с американцами, немцами, то понимали, что мы выше их духовно. Мы спрашивали их о писателях, например о Фолкнере, а они не знали кто это. Мы чувствовали свою значимость, потому что читали. Сегодня компьютер полностью заменил все. Он стал идеологом, и это страшно.

Недавно я посетил Германию и обнаружил, что сегодняшняя молодежь там намного выше нашей молодежи с точки зрения интеллектуального развития. Между интеллектом и духовностью прямой связи нет, но существуют обязательные моменты, которые вбирают одно в другое.

Вспомним Достоевского: чем отличается человек, живущий в России, независимо от национальности, от западного человека? Одним: западного человека волнует только то, что происходит с ним самим, а российского человека волнует все, что происходит в мире. Степень волнения всегда зависит от духовного мира. Духовный мир сегодня превращается в практическую точную технологически сконструированную ситуацию. Обратите внимание, что сегодня у молодого поколения даже эмоций мало, эмоциональная структура практически уничтожена. Почему это происходит? Мы ушли от одного и не пришли к другому. Нельзя находиться посередине, нужно пристать к какому-то берегу. Сегодня мы плывем к берегу, который России не нужен. Если бы мы сегодня знали идею, к которой нужно двигаться, наверное, было бы проще жить. Но мы этого не знаем,

а вырабатывать ее необходимо, хотя мы не хотим этого делать, поэтому плывем по течению, которое не имеет перспектив.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Вячеслав Семенович, какую новую идеологию, какой идеал вы предлагаете? Вы сказали, что существует миллион идеологий и постоянно говорят о новых смыслах. Новые технологии порождают новые смыслы. Как бы я ни просил привести пример нового смысла, который уже возник с помощью новой технологии, ничего вразумительного, кроме описания самой технологии, я не услышал. Человечество как цивилизация существует примерно 5–7 тыс. лет, и практически все это время оно существовало без Интернета, телевидения. Лишь последние 20 лет — с Интернетом, последние 50 лет — с развитым телевидением. Поэтому считать, что смыслы, порожденные предыдущими 5 тыс. лет, когда все было создано, устарели, а последние 20 лет породили новые смыслы, на мой взгляд, просто глупо. Если бы у древних греков было телевидение и Интернет, то мы бы сейчас не имели ни телевидения, ни Интернета, потому что они в свое время ничего не сделали бы, а просто смотрели в экран.

Вячеслав Семенович, может ли человечество (с Интернетом или без), на Ваш взгляд, породить новые смыслы, которых до сих пор не было?

В. С. СТЕПИН: — Говорить о смыслах сложно. Потому что есть корни смысла, смысложизненные ориентиры, которые одновременно выступают как ценности и заложены в глубинах цивилизации. Когда я говорю о техногенной цивилизации, то предполагаю много разных ее видов. Так же как существуют, допустим, животный и растительный миры с подвидами, семействами: растения, кустарники, цветы, травы, млекопитающие, хищные, травоядные, бактерии и др. Но мы различаем два основных типа. Я выделяю традиционалистские смыслы и ценности и ценности, которые возникли в техногенной культуре. Далее я анализирую, как эти ценности техногенной культуры изменили традиционалистские смыслы и ценности в процессе модернизации.

Процессы модернизации были обусловлены не просто желанием что-то изменить, а жизненной необходимостью. Например, так постоянно происходило с Россией: мы отставали от Запада, потом вдруг выяснилось, что мы самые сильные, а затем проиграли Крымскую войну. Почему? Потому что противники использовали нарезные ружья, броненосцы. То же самое происходило в Русско-японскую войну. Каждый раз после этого начиналась модернизация: первую Северную войну Петр проиграл, и начались Петровские реформы, после Крымской войны начались реформы Александра II. Это необходимость уцелеть в конкурентной борьбе с более сильными государствами, которые сначала были слабее, потом развили технологию, создали новый образ жизни, и уже мы перенимаем у Европы технику, технологии, образование. Как только это произошло, традиционной культуре была сделана прививка, все это меняет культуру. Плеханов,

оценивая Петровские реформы, писал: «Петр I пришил европейскую голову к азиатскому туловищу». Так до сих пор и живет этот кентавр. Правда, европейская голова и азиатское туловище все-таки взаимодействуют друг с другом, в связи с чем возникает особенность российской культурной традиции. Поэтому мы и все время спрашиваем: «Мы Европа или Азия? Кто мы? Евразия или Азиопа?»

Каждая такая прививка — это изменение ценностных ориентаций. Техногенная цивилизация породила кризисы, а на ее знаменах было написано: «Научно-технический прогресс». Меняются техника, технологии, предметная среда, человек, устанавливаются новые человеческие связи. Человек этим управлять не может. Еще Наполеон говорил: «Главное — ввязаться в драку, а там будет видно». С изменением техники, технологий меняется жизнь, открываются новые перспективы. Мы говорим, что это прогресс, что эскалатор доставит нас в светлое будущее, завтра будет лучше, чем вчера. Ни в одной традиционалистской культуре нет идеи, что будущее лучше прошлого, там все наоборот. Там «золотой век» уже в прошлом, когда жили мудрецы, святые, оставившие нам замечательные труды, по которым мы будем впредь строить жизнь так, как это делали мудрые люди.

Особенно важны экологический и антропологический кризисы — это угроза человечеству и цивилизации. Я подробно писал о них в своих работах. Если все будет так продолжаться, произойдет катастрофа, а потом на осколках разрушенных цивилизаций человечеству придется искать новые пути.

Можно говорить о том, что все беды коренятся в научно-техническом прогрессе, но как сейчас можно жить без этого, прокормить 7 млрд населения Земли? Нельзя.

Надо искать смыслы, точки роста ценностей. Проанализировав современную науку, «постнеклассическую рациональность», я нашел точку роста. Раньше наука говорила: «Я сама буду продуцировать новые миры, вы их внедряйте через технологии, это и есть благо». А теперь мы говорим: «Нужно дать социальную оценку техники, научных программ, посмотреть, к каким сценариям они приведут, обозначить катастрофические сценарии». Возникло целое направление социальной оценки техники и научных программ, этика начинает их регулировать. Раньше этого не было. Это точка роста новых ценностей, новый смысл жизни внутри старого.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Все, о чем сейчас говорил Вячеслав Семенович, подтверждает мой ответ на этот вопрос: никаких новых смыслов не возникает и возникнуть не может.

В. С. СТЕПИН: — Абсолютная идея такова, что они возникают как поправка старых, но никогда не будут их отрицать.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется журналисту-практику Александру Ивановичу Куприянову.

А. И. КУПРИЯНОВ: — У нас есть мультимедийная редакция «Вечерней Москвы». Я неслучайно спросил о сетевом телевидении. Мы конвергируем, экспериментируем, выводим новые блоки. Возникает вопрос: готова к этому аудитория или нет? Нужно ей это или нет? Или мы играем в свои придуманные журналистские и философские игры?

Я недавно сделал открытие, что образ великого богосного народа, который существует в моей любимой стране, навязан классиками (Достоевский, Горький и др.), которые мечтали о таком народе и эту идею насаждали. Они считали, что народ, у которого главный принцип «Корова сдохла у соседа, в моем доме праздник», на что-то способен. Это навязанная точка зрения. Сегодня Андрей Дятлов много говорил во славу социальных сетей, Интернета, что социальные сети — безусловное благо в коммуникациях, демократии. Практика показывает, что Интернет в России превратился в помойку, сведение счетов, унижение великих людей, многого достигших в своей жизни, поскольку в Сети действует принцип анонимности.

Но готова ли аудитория, о которой мы печемся, на которую мы работаем, к восприятию новых технологий, новых приемов работы, новых коммуникаций? Мы обложили экс-министра обороны со всех сторон, а посадить не можем. Народ спрашивает: «Доколе?» Если департамент имущественных отношений Министерства обороны РФ, в котором работала поэтесса Васильева, по-прежнему существует, то о какой философии нового подхода можно говорить? Может быть, власть, губернаторы, депутаты Государственной Думы сначала будут решать насущные важные социальные проблемы, начиная от ЖКХ и заканчивая проблемами образования, медицины?

Об образовании коллега высказался очень интересно. Решая практические проблемы, мы выйдем на серьезные вопросы, связанные с коммуникативностью и новой философией общества. Утром просыпается человек и не понимает, где он, что с ним, а тут еще присутствие в социальной сети. Я сначала, так же как и все, зарегистрировался в сетях «ВКонтакте», «Одноклассники», «Facebook». Я не отделяю себя от народа, езжу в электричках и на метро, я плоть от плоти этого народа. Ничего не произойдет до тех пор, пока мы не решим сложные задачи построения демократии, общества.

В связи с упоминанием Геббельса вспомнилась буря, разразившаяся по поводу публикации Ульяны Скойбеда в «Комсомолке» в ответ на комментарий политика Гозмана. Совершенно не выдержанный материал, это недопустимо. Цитата из Геббельса: «Некоторые штатские говорят нам о мире, это говорят слабые духом или недобитые нами. Там, где стоим мы, мы стоим твердо».

В поисках смысла надо начинать с практических вещей и начать говорить историческую правду. Где правдивая биография Пушкина? Она не написана. Зато у нас есть приглашенная биография: «Пушкин — наше все», — прокричал пьяный Аполлон Григорьев. Никто не помнит, кто такой Аполлон Григорьев, но с той поры Пушкин — наше все. Надо писать исторически

правдивые вещи, например сейчас ведутся споры о новом учебнике по истории.

Если мы начнем с основополагающих вещей, то многие вопросы не останутся без ответов. Мне кажется, что журналистика, средства массовой информации подняли большой пласт проблем. Сегодня говорили правильные вещи, но пока не решим практические задачи, мы не выйдем на этот рубеж.

В. К. МАМОНТОВ: — Александр Иванович — опытный полемист, практический журналист.

А. А. ДЯТЛОВ: — Позвольте озвучить две реплики. Первая — по поводу публикации Скойбеды, это позор, который моя газета будет переживать довольно долго. Но проблема не в том, что она написала, а в том, как она это предварила.

Вторая — мы, особенно журналисты нашего поколения, боимся социальных сетей, и это плохо. Дело не в том, что они появились и хотим мы в них участвовать или нет и т. д. Надо отдать должное тому, что произошло: огромное количество людей ушло в социальные сети. Студенты, которые здесь присутствуют, многое из того, что мы говорим, не понимают по той причине, что у них свой мир, своя социальная сеть, свой язык и т. д. Мы не находим в себе силы приблизиться к их уровню. Наша задача как умных людей, получивших классическое образование, которого сегодня, к сожалению, не дают, на языке тех людей, которые существуют в социальных сетях, объяснить им в том числе и то, что является ценностями жизни, над чем им стоит поразмышлять, на что обратить особое внимание и т. д. Это тяжелая работа, гордыня наша так велика, что мы не можем до этого снизить. Либо мы перейдем на язык людей, которые существуют в социальных сетях, и донесем до них ценности, которыми мы владеем, либо нас оттеснят на обочину.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Николаю Андреевичу Хренову.

Н. А. ХРЕНОВ: — Я хочу озвучить послесловие к своему докладу, который размещен на сайте Университета. Я бы назвал свое выступление иначе, чем доклад: «Пределы эскалации коммуникативных технологий: ностальгия по площади». Идеи, которые я сейчас выскажу, навеяны вчерашним пленарным заседанием.

Начну с высказывания Ю. М. Лотмана по поводу вклада М. Бахтина в гуманитарные науки. Ведь тема диалога, вынесенная в название Лихачевских чтений, — это бахтинская тема. Ю. М. Лотман отметил гениальное прозрение М. Бахтина по поводу того, что коммуникация станет одной из центральных проблем XX века. Это не умаляет значимости вклада в гуманитарную науку Д. С. Лихачева, который вместе с М. Бахтиным и Ю. Лотманом оказал на наше поколение огромное влияние. То, что коммуникация станет одной из центральных проблем XX века, М. Бахтин, пожалуй, разгадал первым. Иначе мы сегодня не собрались бы в этом замечательном Университете, в который хочется приезжать, и не говорили бы о диалоге

на секции, посвященной отношениям между коммуникацией и культурой.

Правоту М. Бахтина подтверждает и тот факт, что именно в XX веке выяснилось, что коммуникация имеет самостоятельную историю. Но в данном случае следует разделить коммуникацию в широком и коммуникацию в узком смысле. Н. Луман утверждает, что общество вообще состоит из разных коммуникаций. Взгляд на общество с коммуникативной точки зрения составляет специфику социологического подхода в его современном варианте. Под коммуникацией в узком смысле следует понимать массовую коммуникацию, разновидности которой появлялись на протяжении истории человечества. Это, конечно, не только коммуникации, возможные на основе электронных технологий, каких в XX веке стало много.

Но почему представление об истории коммуникации, понимаемой в узком смысле, возникает лишь во второй половине XX века? Этому открытию во многом способствует общественный резонанс возникшего телевидения, включившего человека в новые отношения со временем и пространством. Это был не только количественный (по охвату аудитории, которой стало все общество), но и качественный момент. Впервые проявилась историческая перспектива предмета исследования — коммуникации.

В этом смысле можно согласиться с В. Т. Третьяковым, который, излагая проект своего исследования о телевидении, попытался обосновать исключительную роль телевидения в осознании коммуникации именно как массовой, когда массмедиа, по известному выражению, становится «нашим всем». Почему же история массмедиа не была открыта раньше? Разве никто не писал о письменности? Писали. Разве мало исследований о печатной книге? И об этом тоже писали достаточно. Но для того, чтобы возникло представление об истории коммуникации, необходимо увидеть и в письменности, и в печати что-то общее, иначе говоря, уточнить предмет. Когда уточнен предмет, можно писать его историю. Этого до определенного времени сделать было невозможно. Да и сейчас серьезных фундаментальных исследований на тему истории массовой коммуникации практически нет.

Когда я говорю, что это представление об истории СМИ появилось во второй половине XX века, то имею в виду прежде всего М. Маклюэна — парадоксального, пронзительного мыслителя, идеи которого (например, идея о смерти печатной книги) нас еще несколько десятилетий назад так пугали. Сегодня, наблюдая за внезапным вторжением Интернета в культуру, мы убеждаемся в том, что его прогнозы оправдываются.

Итак, исследований по истории СМИ нет. Если этой проблематики и касаются, то, как правило, мы имеем дело с поверхностной, а точнее, апологетической историей СМИ. Имеет ли она право на существование? Несомненно, имеет. Возникновение новых технологий не может не вызывать восторга. В XX веке человечество постоянно имеет повод пребывать в эйфории. Мы с некоторых пор это ощущаем снова, осваивая Интернет.

Но я бы хотел, чтобы история массовой коммуникации была написана не с апологетической позиции.

Вот почему вчера, слушая выступление В. Т. Третьякова, я оценил его мысль о том, что мы слишком спешим демонстрировать свое отношение к некоторым явлениям априорно позитивно. Очень ценная мысль. Так случилось с восприятием СМК. Правда, В. Т. Третьяков имел в виду диалог. Я бы его мысль использовал применительно к коммуникации, смысл которой, конечно, шире, чем диалог, поскольку коммуникация бывает как диалогическая, так и монологическая.

Удивительный парадокс: человечество открывает принцип диалога в те исторические эпохи, когда наблюдается его дефицит, когда он почти исчез, как это произошло при тоталитарных режимах. Ведь и М. Бахтин проявил к нему интерес в советской империи во многом, как нам представляется, потому, что он исчез. Читая стенограмму XIV съезда ВКП(б) (интереснейшая, кстати сказать, вещь, тут даже пера М. Шатрова не нужно), убеждаешься, что в то время диалог еще существовал. Но вскоре он исчезнет навсегда.

Я об этом говорю не потому, что М. Бахтин предстает величайшим еретиком, а потому, что это мое наблюдение сегодня можно приложить к более общему явлению — не только к коммуникации, но и к культуре в целом. Чем больше мы говорим о культуре (а в последние годы мы о ней говорим действительно много, даже развивается целая наука — культурология), тем очевиднее, что наука о предмете есть, а сам предмет находится в состоянии исчезновения. Последствия этого констатировал А. С. Запесоцкий, открывая пленарное заседание и оценивая некоторые современные явления как неоварварство. Охотно присоединяюсь к этому диагнозу.

Название нашей секции — «Культура и коммуникация». Следовательно, мы не можем обойти вниманием вопрос, в каких отношениях находятся между собой культура и коммуникация. Чтобы этот вопрос прояснить, мне пришлось обратиться к Н. Луману — автору вышедших не так давно двух книг, специально посвященных массмедиа. Но там я обнаружил весьма противоречивые суждения на эту тему. Например: «Культура есть продукт системы массмедиа» или «Массмедиа как основание культуры». Но там имеются и суждения иного рода: «Система массмедиа разрушает аутентичную культуру». Еще более загадочная мысль: «Без массмедиа культуру нельзя было бы распознать как таковую». Последнее суждение, пожалуй, является наиболее интригующим, но оно осталось нерасшифрованным.

Как же все-таки быть? Культура и коммуникация — это одно и то же или это разные вещи? Развести коммуникацию и культуру невозможно. Но и утверждать, что это одно и то же или что между ними существует гармония, тоже невозможно. Очень бы хотелось, воспользовавшись парадоксальным суждением В. Т. Третьякова, уйти от апологетической истории массмедиа и понять, что мы с появлением каждого нового средства коммуникации приобретаем, а что теряем.

Если в истории внимательно проследить реакции на появляющиеся в разное время средства коммуникации, апологетическое восприятие коммуникации придется исключить. Это амбивалентные реакции и оценки. Попробуем найти в истории аспект, способный

прояснить амбивалентное отношение к коммуникации в формах, например, телевидения или Интернета. Очевидно, что каждое средство коммуникации входит в культуру с конфликтом. Возьмем хотя бы письменность, которая, по мнению К. Леви-Строса, уже поставила человечество перед теми проблемами, с которыми оно сталкивается в наши дни, осваивая новые средства коммуникации.

В одном из диалогов Платона египетский царь Тамус, обращаясь к изобретателю письма, обращает внимание на уязвимость нового коммуникативного средства — письменности. Позвольте процитировать Платона. Пожалуй, это суждение можно уже спроецировать на реакцию, касающуюся Интернета. Может быть, такой реакции еще нет, но, полагаю, она может появиться в будущем. «В души научившихся им (письменам. — Н. Х.) они вселят забывчивость, так как будет лишена упражнения память, — говорит царь Тамус, — припоминать станут извне, доверяясь письму, по посторонним знакам, а не изнутри, сами собою. Стало быть, ты нашел средство не для памяти, а для припоминания. Ты даешь ученикам мнимую, а не истинную мудрость. Они у тебя будут многое знать понаслышке, без обучения, и будут казаться многознающими, оставаясь в большинстве невеждами, людьми трудными для обучения; они станут мнимомудрыми вместо мудрых».

Но если появление письменности в культуре нельзя оценивать однозначно, так, может быть, изобретение Гутенберга уж точно заслуживает апологетического отношения? Оказывается, не заслуживает. По некоторым данным, дворянство, духовенство и даже гуманисты еще долгое время отдавали предпочтение рукописной книге. Недоверие к печатной книге можно обнаружить у Монтеня. Он констатирует, что с помощью этого средства начала распространяться страсть к «бумагомаранию», что приводит к упадку культуры, ведь печатать и тиражировать можно и глупости. Мы помним то место из романа В. Гюго «Собор Парижской богоматери», в котором говорится, что Гутенберг уничтожил культовое зодчество. И наконец, суждение Л. Толстого о негативных последствиях распространения печати, которое позволяет вспомнить не только сказанное Монтенем, но еще и знаменитый трактат Руссо «Способствовало ли возрождение наук и искусств улучшению нравов, или же оно содействовало порче их?» Л. Толстой, как известно, любивший Руссо, предрекает даже гибель цивилизации как следствие распространения печати. Для него профессия журналиста не является предпочтительной.

Любопытный аспект, связанный с последствиями распространения печати, отмечает М. Маклюэн. Оказывается, печать не может перевести в систему знаков опыт, накопленный бесписьменными культурами. А он является ценным. Отныне этот опыт будет составлять содержание того, что Фрейд назовет сферой бессознательного. И бессознательное вовсе не исчерпывается стихией либидо, что бы по этому поводу ни утверждал Фрейд. Эту сферу образуют ранние слои человеческой культуры, от которых мы уходим все дальше. Значит, наравне с позитивными и заслуживающими всяческих восторженных оценок характеристиками печатная

книга, как и письменность, лишила человечество чего-то очень важного и существенного.

Так, может быть, кинематограф, наконец, войдет в культуру без конфликта? Ведь именно он оказывается способным реабилитировать телесность, которая с появлением письменности и печати шла на дно. Кажется, кинематограф упраздняет негативные последствия предшествующих способов коммуникации. Ничуть не бывало. Возникновение кинематографа тоже конфликт. Достаточно прочитать одну из ранних статей К. Чуковского, специально посвященную раннему кино. Там первые кинозрители представлены варварами.

Но на этот раз в начале XX века критика нового средства возникла в сообществе педагогов. Они первыми просигнализировали об опасности, доказывая, что кино — не просветительное средство, а школа преступлений. Они призывали спасать детей от разрушительного средства. Педагоги первыми стали обсуждать проблему, которая не перестает волновать до сих пор. Недавно вышла книга К. Тарасова «Насилие в зеркале аудиовизуальной культуры». В ней на основе социологических исследований доказывается, что в молодежной аудитории действительно существует группа риска, подверженная негативному влиянию образов насилия в фильмах.

Что касается телевидения, то нельзя не вспомнить знаменитый тезис Маклюэна по поводу того, что оно стирает тот пласт культуры, который до этого формировался под воздействием печатной книги. А этот пласт связан с развитием личного начала. Это просто катастрофа. Виталий Товиевич вчера убедительно говорил о телевидении как «храме массовой культуры», в котором потерялось подлинное искусство.

Наконец, возникает Интернет, и дискуссии, связанные с его появлением, свидетельствуют: та мозаичная культура, что приходит на смену аристотелевской системе знаний, о чем уже давно писал А. Моль, продолжает утверждаться. Невероятное расширение и увеличение объема информации в связи с возникновением Всемирной паутины диктует принесение в жертву ее углубленного осмысления. Интернет возвращает нас к исходной точке, а точнее, травме, антропологической травме, вызванной к жизни коммуникативными системами. Можно было бы продолжить такие антиапологетические суждения по поводу коммуникации. Надеюсь, я удачно воспользовался методологией В. Т. Третьякова.

Выхватив из длительной истории коммуникации несколько фактов, я попытался воссоздать логику, которая не является апологетической. Но пора поставить вопрос: что все это означает? Означает ли это то, что человечество как малое дитя по-прежнему остается беспечным и благодушным, сначала открывая, а потом забывая негативный смысл последствий эскалации массмедиа? Человечество забывает, что, несмотря на увеличение числа СМК, противоречия так и не удается разрешить. Сложность проблемы со временем только увеличивается.

Здесь следует напомнить, что когда Маклюэн говорил о появлении каждого нового средства коммуникации, он использовал слово «взрыв». И появление

телевидения у него уподобляется взрыву водородной бомбы. Он вопрошал: задумываемся ли мы над последствиями этого взрыва? Но, может быть, я ошибаюсь. Может быть, человечество все же как-то эту проблему решает? Если, возникая, каждое СМК выводит за пределы привычного, взрывает существующую культуру, то, может быть, время все лечит? И то, что какое-то время казалось выходом за пределы культуры, означает только то, что в связи с еще одним возникающим средством формируется новое напластование культуры. В результате культура становится более развитой и сложной. И в общем культура рано или поздно ассимилирует технологию, подчиняя ее себе.

Я обозначил два варианта последствий вторжения коммуникации в культуру. Какой же из них следует принять за истинный? Объяснение негативных последствий вторжения в культуру коммуникации в конце концов сводится к одному. Необходимо уяснить, что относится к подлинной, а что к неподлинной коммуникации. В данном случае мы используем терминологию К. Леви-Строса. Все фантастические средства коммуникации, возникшие на основе технологий и представляющие собой органопроекцию, являются неподлинными. Подлинной же является коммуникация, возможная в сообществе общающихся, в котором люди в состоянии видеть и слышать друг друга. По этому поводу К. Леви-Строс размышляет так: критерием подлинной коммуникации является отношение соседства в малых сообществах, где каждый знает каждого.

Нет никаких сомнений в том, что формирование глобальной культуры, о чем сегодня так много говорят, в том числе и на Лихачевских чтениях, будет диктовать эскалацию глобальных коммуникаций, и в частности Всемирной паутины. Интернет, разумеется, будет соответствовать этой реальной потребности. Без насыщения этой потребности современного человека представить невозможно. Именно глобальные коммуникации будут доминантой. А более традиционные способы коммуникации будут приноситься в жертву.

Но принесение в жертву традиционных средств коммуникации, характерных для локальных сообществ, с чем связана история коммуникации, явно не смогло разрешить проблем, возникших с появлением письменности. И об этом превосходно сказал К. Леви-Строс: после возникновения письменности наши взаимоотношения с другими людьми носят случайный и отрывочный характер. Ведь они основываются на глобальном опыте, а не на конкретном восприятии одного субъекта другим. В частности, он пишет: «Мы не склонны к парадоксу и не собираемся давать отрицательную оценку колоссальному перевороту, наступающему в связи с изобретением письменности. Однако необходимо отдавать себе отчет в том, что, облагодетельствовав человечество, она одновременно отняла у него нечто существенно важное». Сказанное К. Леви-Стросом имеет отношение не только к письменности.

Возникает вопрос: кто заинтересован в том, что история коммуникации развивается именно так, а не иначе? Кто является субъектом коммуникативных процессов: личность, социальная группа, субкультура, общество, государство? Когда Ж. Деррида, вспоминая

Руссо, говорит о неподлинной коммуникации, он ее связывает с произволом власти. И здесь я вновь сошлюсь на В. Т. Третьякова, сказавшего на пленарном заседании: важны не ценности и смыслы сами по себе, а механизмы их трансляции в массы. Ведь коммуникация не сводится к информации. Это и внушение, воздействие, а значит, монолог, а не только диалог. Государство, конечно, может стать субъектом коммуникации. И тогда наш диалог трансформируется в монолог. Появляется кто-то один, претендующий на истину в последней инстанции. Таким претендентом на монолог является новый «культурный герой».

Главный редактор газеты «Московский комсомолец», один из лидеров нашей журналистики, Павел Гусев отмечает в своей лекции, изданной в СПбГУП: «Если почти все СМИ принадлежат государству, то вы должны писать о событии или человеку так, как это видит тот или иной чиновник или депутат». Какой тут диалог? Или еще цитата из П. Гусева. «Что такое, в сущности, государственные СМИ? Это “причесывание” наших с вами взглядов “под одну гребенку”» и т. д.

Комментируя суждения Руссо о коммуникации, в частности о письменности как средстве удержания власти над огромными, рассредоточенными в пространстве массами и территориями, Ж. Деррида пишет: «Правительства, угнетающие свои народы, делают одно и то же: разрушают наличие и солидарность граждан, единодушные “собрывшегося народа”, рассеивают людей, держат своих подданных порознь, лишая их тем самым чувства сопринадлежности общему пространству речи и общения, основанного на убеждении».

Так вот, оказывается, что происходит. Имеются институты, которые пользуются технологиями, рассеивающими людей в пространстве. Это механизм воздействия коммуникации в понимании В. Т. Третьякова. В силу этой рассеянности в пространстве коммуникация разворачивается как регулируемая, и потому в ней преобладает монолог, а не диалог. И Бахтин о ценности диалога напоминает потому, что в самой реальности, как я уже отметил, этот диалог отсутствовал.

Можно принять мысль К. Леви-Строса о значимости элементарных и традиционных форм коммуникации, угасание которых не восполнить с помощью электронных технологий. Но можно сказать еще об одной надревнейшей форме коммуникации — это коммуникация на площади. Площади, преодолевающей эту рассеянность массы в пространстве. Когда-то в нашей науке предпринималась попытка выделить эту коммуникацию на площади в особую разновидность и обозначить ее не как средство массовой коммуникации, а как средство массового воздействия. Такая попытка ошибочна. Ведь массовая коммуникация — тоже средство массового воздействия.

Действительно площадь — уникальное и традиционное средство коммуникации. Совсем недавно площадь (как бы она ни называлась — проспектом Сахарова или Болотной площадью) дала о себе знать. Но, назвав эти две конкретные пространственные точки в городе в связи с массовыми демонстрациями, я вовсе не собираюсь говорить о политике. Я хочу объяснить эти массовые акции активностью специфического комму-

никативного фактора, способствующего возрастанию роли глобальных средств связи.

Как реакция на отсутствие интеракции в коммуникативных системах возникает притягательность собравшихся на площади, возвращающей к традиционным способам коммуникации. Площадь — эффективное средство смягчения «антропологической травмы», которую пытался объяснить еще Платон. Это стремление упразднить коммуникацию на основе технологий и возвращаться к ее элементарным формам. Площадь — способ преодоления монолога.

Кто в нашей науке объяснил притягательность площади? Все тот же М. Бахтин, только в другом сочинении. Когда мы наблюдаем поведение людей на площади, не следует забывать, что площадь имеет не только политический, но и коммуникативный и, можно даже сказать, компенсаторный смысл. Именно на площади, на которой собирается масса, к человеку возвращается чувство социальности в ее первоначальной, исходной форме. Толпа на площади — самая архаическая, самая древняя и подлинная форма социума. Она на время упраздняет перманентное нарастание в культуре эффекта отчуждения (осмыслять которое начал еще Гегель, продолжил ранний Маркс, а в XX в. — Хайдеггер), в том числе отчуждения человека от человека, человека от общества, человека от государства.

И сколь бы фантастическими ни были коммуникативные технологии, они не снимают это отчуждение. Нарастание такого отчуждения сопровождает всю историю массовой коммуникации. Это оборотная сторона коммуникативного прогресса, и ее невозможно не учитывать. Это обстоятельство не позволяет представлять историю коммуникации апологетически. Принцип органопроекции, который оказывается в основе всех технических изобретений, оказывается для человечества величайшей ловушкой. Эта проблема требует антропологических процедур. И она все еще далека от разрешения. Мы вновь и вновь наступаем на те же грабли, и у нас по-прежнему накапливаются негативные последствия эскалации коммуникации.

История массмедиа есть в то же время и история бессознательного нарастания отчуждения. Идеалом коммуникации по-прежнему кажется то, что постиг еще Руссо: прелесть общения в малых сообществах, где каждый знает каждого, где каждый знает только часть истины, а сама истина вовсе не приходит извне, уже готовой, а возникает в процессе коммуникации или, как утверждал М. Бахтин, в процессе диалога. Но дело не только в дефиците такого рода общения — в пространстве малых сообществ. Аура площади, к которой время от времени общество возвращается, тоже понятна именно в коммуникативном ключе.

В. С. СТЕПИН: — Николай Андреевич, Вы сказали абсолютно правильно: есть живая коммуникация людей — это общение. Общение невозможно в масках, закрытое. Отсюда вопрос, связанный с проблемой анонимности в Интернете. Пока это будет существовать, у трусливого человека будет искушение нанести оскорбление любому и таким образом самоутвердиться, потому что он безнаказан, его не поймаешь. А если это

исчезнет, то есть если человек, вступающий в коммуникацию в Интернете, будет называть свою реальную фамилию и адрес, не станет ли это способом давления, потому что критическая мысль будет зажата. Анонимность Интернета — одна из проблем. Возможна ли на основе анонимности реальная коммуникация, которая предполагает процедуру общения людей, или это будет уже не общение?

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Лидии Владимировне Матвеевой.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Мне хотелось бы продолжить мысль Вячеслава Семеновича о том, что новые современные этические средства — фактически новый тип регулятора саморазвития, самоорганизации человечества, где могут собираться как созидательные, так и разрушительные силы по отношению к прогрессу. И важно понять, какого типа ценности несут эти регуляторы. С одной стороны, мы говорим об анонимности СМИ, что влечет безнаказанность. Но обратите внимание, сейчас мы наблюдаем тягу людей к популярности: человек научился класть плитку на кухне и сразу снимает про себя кино, выкладывает в Сеть.

На этой волне популярности я хочу проанализировать ценности, существующие в нашем обществе, тренды развития ценностей в самой популярной медийной среде — «YouTube». Я не согласна с тем, что раньше все было замечательно, а сейчас молодежь плохая. Молодежь замечательная. Более того, молодежь уже не платит, как наше поколение, за убийство помазанника Божьего. Она эту кару уже не несет. Она другая. Поэтому у них сценарий Виктора Степановича Черномырдина «Хотели как лучше, а получилось как всегда», по которому мы жили, уже не работает. Нужно относиться очень внимательно к молодежи, особенно к I курсу.

Меня поразили данные проректора одного из вузов, который провел исследования по оценке ценностей с помощью чувствительности айтрекера. Пятый курс выделяет следующие ценности: карьера, деньги, быстро, то есть смысл в том, чтобы быстро накопить денег, потратить и умереть. Первый курс считает абсолютно иначе: семья, здоровье, дети, карьера, деньги, у них сменились ценности, поэтому мы не можем сейчас прогнозировать, что все будет ужасно. Наверное, будет лучше, и молодежь детскую болезнь вседозволенности, популярности переживет, я за нее спокойна.

Что сейчас происходит с нашими организаторами медиаконтента, талантливыми мужчинами за сорок? Куда мы ведем своих детей? Не превратились ли мы в крысолова из поэмы М. Цветаевой? Надо отдать должное нашему правительству, проблема начала решаться, с 1 сентября 2012 года действует Федеральный закон РФ № 436-ФЗ «О защите детей от информации, причиняющей вред их здоровью и развитию».

Я являюсь руководителем Общественной комиссии по мониторингу практики применения Федерального закона № 436-ФЗ при Уполномоченном при Президенте РФ по правам ребенка П. А. Астахове. На первом заседании Комиссии, на котором собралось много представителей СМИ, юрист НТВ сказал: «Лидия

Владимировна, Вы инквизиция для СМИ». Я предложила Астахову полгода не затрагивать мониторингом ситуацию, которая происходит в СМИ, потому что все отгородилось статусом «16+». На всякий случай телеканал «Мир» вообще поставил «18+», хотя, по моему, дети его не смотрят. В общем сейчас стоит серьезная проблема.

Продолжу разговор о «YouTube». Одним из популярных зрелищ может быть назван южнокорейский ролик Gangnam Style, который сейчас насчитывает более 1,4 млрд просмотров. Он появился в Сети в середине июля 2012 года. Южнокорейский рэпер Psy (настоящее имя Пак Чэ Сан) спел незатейливую песенку и станцевал под сложный и хорошо смонтированный видеоматериал, неоднозначный с точки зрения традиционной культуры. Важно отметить, что у аудитории не возникает сомнений по поводу ценностно-смысловой составляющей клипа. Показана детская площадка, на которой находится 40-летний мужчина. Что делает маленький ребенок в интимной зоне взрослого мужчины? Разве это не символ педофилии? Что такое «gangnam»? Это символ. Об этом говорит и популярность этого клипа, это своеобразный вирус, люди воспроизводят эти движения, манеру поведения, манеру одеваться и мыслить. Я, как человек, проработавший 10 лет в судебной психиатрии, хотела бы обратить внимание ученых мужей на другое: каковы тренды развития?

Обратите внимание, что идет борьба с конфуцианской идеологией: пожилые люди обслуживают более молодого мужчину. В конфуцианстве это недопустимо, молодые должны подчиняться пожилым и уважать их статус. Что происходит дальше? Какие символы предлагаются? Молодой мужчина делает так, чтобы девушка упала, эротическая подоплека. Это популярное зрелище.

В. К. МАМОНТОВ: — А теперь посмотрите на молодую аудиторию.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Молодая аудитория внимательно смотрит на качественно технически сделанный смонтированный продукт. Это дорогая работа, продукты монтажный план, съемки, освещение, грим.

В. К. МАМОНТОВ: — Молодые люди, ответьте, пожалуйста, на вопрос: «Вы догадывались о подтекстах, о которых говорит Лидия Владимировна, проникают они к вам в сознание или нет?»

— Если нужно, то это можно найти в видео лобой направленности, даже в мультфильмах. (реплика из зала)

Л. В. МАТВЕЕВА: — Я говорю о тренде в ценностно-смысловом содержании медийного пространства вообще. С чего начиналось медийное пространство? В «Останкино» собирались культурные люди с культурными интересами и программами. Куда сейчас направлена видекамера? Видекамера смотрит на наш гипоталамус. На что лучше всего реагирует гипоталамус, на какую упаковку? Это наше бессознательное,

два главных инстинкта — танатос и эрос. В 1901 году Петр Борисович Ганнушкин написал работу «Сладострастие, жестокость и религия», которая не была опубликована в силу одиозности, сборник его работ вышел в свет только в 1998 году в Ростове-на-Дону. Ганнушкин пишет о том, что три чувства, различные на первый взгляд: злоба, сексуальная любовь, религиозные чувства, если опираться на множество фактов и соображений, находятся друг с другом в большой близости. Когда возрастает их интенсивность: злость трансформируется в жестокость, свирепость, сексуальная любовь — в страсть, религиозные чувства — в фанатизм, то эти три чувства совпадают и смешиваются без заметных границ. Это очень серьезное утверждение. То, что мы видели: перерастание эротического возбуждения в злобу и агрессию по отношению к старикам, женщинам, детям — это логика развития ценностей, возбуждение чувств. Потому что именно эти чувства — агрессия и любовь — дают самое сильное возбуждение эмоций, то есть страх смерти и страсть продолжения рода. Надкультурная матрица, табуированные запреты держали эти две страсти в узде, а сейчас Интернет позволяет выплеснуть это и выйти за рамки культурной матрицы. Готовы ли мы следовать за этим поводом?

Ролик, взорвавший Интернет, — “Harlem shake”, длится полминуты. Я посмотрела историю “Harlem shake”: это эфиопские танцы вокруг костра. Куда мы движемся? К племенному костру, вокруг которого собираются охотники, пришедшие с охоты с тушей мамонта. Но если отключить электричество, компьютер не будет работать, а танцы могут остаться. Если мы сейчас не создадим в головах тех, кто контролирует медийные потоки, табуированные регуляторы (что можно делать, а что нельзя), то простые люди будут танцевать “Harlem shake”. Что будет дальше, я не знаю, но можно представить. Канныализм, или операции без наркоза, или «киллер-караоке», где человеку делают больно, а он должен петь. Из этого же ряда «Слабое звено». Как еще можно разрушить матрицу, все человеческое в человеке? Что такое философия зла? Почему зло имеет такую притягательную силу и визуализируется с большими деньгами? Почему страх смерти, любовь к смерти вызывают у нас эти чувства?

У меня, как психолога, возникают большие сомнения по поводу того, что ученые могут направить процесс в разумное русло. Как сделать так, чтобы инструмент интернетной саморегуляции стал цивилизованным? Можем ли мы сделать его цивилизованным? Риторический вопрос.

В. С. СТЕПИН: — Проблема поставлена. Во-первых, это показатель кризиса. У меня возникла аналогия: чем больше императорский Рим приближался к своему разрушению, тем более активизировались простые биологические инстинкты людей: поедание пищи как удовольствие, изысканные пиры; секс во всех вариантах, и все это было официально. Чем это закончилось? Совершенно противоположным: распространилось христианство, которое жесточайшим образом стало контролировать эти процессы.

Л. В. МАТВЕЕВА: — Вячеслав Семенович, в священных текстах написано, что к концу времен мы будем поедать своих детей. В Интернете сейчас выкладывается 2 тыс. порнографических сайтов с детьми. Этого раньше не было. Это все по Ганнушкину.

В. С. СТЕПИН: — Я вспомнил притчу о Сократе, когда к нему пришла гетера и сказала: «Сократ, ты учишь своих учеников, а я сейчас приглашу своих подруг, и они забудут, что ты им говорил о добродетели». Сократ ответил: «Тебе легче, я тяну их вверх, а ты — вниз». Это легче всего.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Лидия Владимировна преподает на факультете телевидения МГУ. Зная, что такое современное телевидение, наблюдая все эти тенденции, я ввел в наш образовательный стандарт психиатрию, психологию и педагогику. В беседе с деканом факультета психологии Ю. П. Зинченко я сказал: «Даже если в студии в качестве героев передачи сидят чуть ли не канныбалы и насильники, может, они подсадные утки, рассказывают очень натурально. В студии половина людей неуравновешенных, судя по их реакции. Например, Джигурда. Мне нужно, чтобы мои студенты знали, как вести себя с сумасшедшими, в том числе и с буйными, поскольку они ежедневно могут оказаться в подобной ситуации». Это прагматический подход. Такова реальность, и я ее почувствовал как декан факультета, желая оградить своих выпускниц от того, чтобы их не изнасиловали и не съели прямо в студии, чтобы они могли отличить сумасшедшего, канныбала от нормального человека.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Сергею Леонидовичу Лескову.

С. Л. ЛЕСКОВ: — Вячеслав Семенович, приятно, что Вы стоите на защите нравственных принципов, цитируете Сократа, который, замечу, был осужден за растление молодежи. В этом есть некоторые противоречия. Мне кажется, что дискуссия, которая разгорелась с такой силой, об утрате нравственных ценностей несколько спекулятивна, ибо в истории человечества не было ни одного поколения, которое не считало бы, что следующее за ним поколение утратило истинные смыслы и ценности. Такие письма можно найти на египетских пирамидах и камнях, так было всегда. Когда вы были молоды, ваши отцы говорили о вас то же самое. Иногда это «выливается» в революцию, это крайний вариант развития, но неизбежное течение жизни.

Когда мы говорим о «клиповом сознании», которое присуще молодому поколению, это не хорошо и не плохо. Это следствие изменений в жизни. Посмотрите: фактически все в зале на нашей дискуссии сидят с гаджетами. Объективное развитие цивилизации приводит к тому, что поток информации на протяжении жизни одного поколения удваивается. С точки зрения психологии наиболее информативный способ восприятия информации — видеоканалы. Читать времени уже нет, человек не может усвоить весь массив информации, который необходим для адекватной ориентации в жизни.

Это можно сделать только через «экран». Правда, здесь возможно печальное следствие: поколение (и это, пожалуй, в истории цивилизации происходит впервые) не успевает освоить весь объем информации, который наработан за время его активной жизнедеятельности. С этим, наверное, связано то, что одно поколение уже не может передать свой опыт следующему поколению. Наиболее ярко эта ситуация проявляется в связи с использованием гаджетов: человек предыдущего поколения просто не понимает, что это такое, и отец не может научить сына, но внук научит. Таких феноменов в цивилизации не было никогда, но ведь это касается не только гаджетов, но и того, что некоторые нравственные ценности, которые казались незыблемыми, тоже не передаются. Такой разрыв представляет большую угрозу, но эта угроза, как мне кажется, непрогнозируема. Вообще в будущее заглянуть невозможно, думать об этом хочется, но предсказать его невозможно. Это новый виток цивилизации, который мы не можем осмыслить.

В Москве в последние дни главным событием стало ДТП, которое устроил певец Витас на ВДНХ. Видимо, это крупномасштабная фигура в нашей культуре, ибо об этом происшествии писали все газеты и его показывали все каналы. Очень странно. У любого здравомыслящего человека все, что сделал этот артист, вызвало бы отвращение, омерзение, но его действия вызывали не осуждение, а интерес, это было некое бесплатное шоу, которое хотелось смотреть вновь и вновь. Этот пример говорит об изменении культурных кодов. Наши отцы не стали бы это смотреть, а мы смотрим. Может быть, все, о чем мы говорим, — это наши проблемы. Ведь газеты, которые переживают упадок, и телевидение, о котором сегодня так убедительно говорили, — это продукция не молодого поколения, а наша, это мы производим всю эту мерзость, и у нас нет отвращения. Мы, руководители СМИ, журналисты, всеядны как терьеры, готовы проглотить все.

Я работал в разных газетах и прекрасно помню те времена, когда «Комсомольская правда» организовывала романтическую, поднимающую дух поколения, зовущую вперед пешую экспедицию на Северный полюс. Более того, это была и научная экспедиция. Представить, что «Комсомольская правда» сделает это сейчас, невозможно. «Известия», «Пионерская правда» придумали когда-то «Золотую шайбу» и «Кожаный мяч». Профессиональный журналист Анатолий Аграновский («Известия»), имя которого сейчас забыто, в свое время поддержал офтальмолога Святослава Федорова, которого преследовали чиновники, в результате чего была открыта уникальная не только для нашей страны, но и для всего мирового здравоохранения клиника, переросшая в целый комплекс и представленная во многих городах. Может быть, строительство этого комплекса — единственное достижение перестройки.

То есть журналисты, газеты, СМИ были когда-то другими. Сейчас «молодые таланты» возвращаются на «бройлерной» фабрике звезд, хотя их достижения мне кажутся сомнительными. Без сомнений, это некое следствие общества потребления, в которое мы окунулись в последние 20 лет.

Незадолго до своей смерти великий математик Арнольд, который умер во Франции, но работал в нашей стране, сказал мне, что общество потребления не заинтересовано в том, чтобы было много умных и образованных людей, потому что такие люди не будут покупать товары и вовлекаться в консюмеризм. В обществе потребления неизбежно будет происходить отторжение Моцарта и Толстого, и я думаю, будет совершаться поворот к Витасу.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется профессору Владимиру Викторовичу Согрину.

В. В. СОГРИН: — Ю. М. Лотман сказал, что свобода — это культура запретов. Хочу высказать свое мнение по поводу услышанного. Первое — об огромном количестве информации. В чем заключается наша задача? Информации всегда было много. Известно суждение, что есть книги, которые нужно перечитывать, но 90 % книг не нужно читать вообще. 90 % информации не нужно смотреть, именно этому нужно учить молодежь.

Второе — об идеологии. Существует большое количество видов идеологии. Если в России сейчас установить единую идеологию, о которой многие мечтают, то это, скорее всего, будет национал-социалистская идеология. Вы этого хотите? Какая идеология будет проводиться в новом учебнике по истории? Учебники по истории никакого отношения к исторической науке не имеют, они обслуживают власть. И будет написан учебник, где патриотизм трактуется как слепая любовь к власти, государству, всем русским монархам. Я обнаружил, что мы критикуем всех, включая Медведева, но выше — нет.

И наконец, третье — о русских писателях. Русские писатели (Чехов, Бунин, Куприн и др.) показывали, кем были русские люди, крестьяне. И те, кто читает их произведения, знают, кем на самом деле были русские люди.

Мой доклад называется «Американская тема в российских СМИ». Накануне участия в Лихачевских чтениях я слушал радиостанцию «Русская служба новостей» (это канал Доренко), в эфире которой в течение часа выступал член Государственной Думы от фракции «Единая Россия» Федоров. Он говорил о том, что Россия оккупирована США, что Соединенные Штаты Америки осуществили нашу приватизацию, захватили наши газеты, телеканалы, переписали нашу Конституцию. Это враг, с которым нужно бороться, и возглавляет эту борьбу Владимир Владимирович Путин. Поразительно, что на это шоу звонят слушатели и ни один из них не сказал, что в эфире озвучивают параноидальные идеи. Это свидетельствует о том, что антиамериканизм отечественных средств массовой информации оказывает реальное воздействие на наших слушателей и зрителей.

Нашим зрителям внушили конспирологическую теорию, которая стала излюбленным средством российских СМИ в пестовании антиамериканизма. Например, в последних радишоу, которые я слушал, слушатели, дозванивающиеся в прямом эфире, говорили,

что американцы организуют теракты, когда падает рейтинг президента. Начал падать рейтинг Обамы — произошел теракт в Бостоне, рейтинг президента Буша (хотя его тогда только избрали) — теракт 11 сентября 2001 года.

Я выделил четыре типа освещения темы Соединенных Штатов Америки в отечественных СМИ.

Первый тип — грубейшая фальсификация, я бы ее назвал «порнофальсификацией». В советский период до такой низости фальсификации не опускались.

Второй — фальсификация, когда показывается только одна сторона Америки. Телеканал «Russia Today» работает профессионально. Якобы он по популярности в Англии занимает первое место. Там предоставляют интересную информацию, но односторонне. Этот продукт производят американцы, на телеканале работают американские дикторы и обозреватели, прекрасно владеющие английским языком, так же как дикцией и артикуляцией. В регулярных передачах о США они раскрывают исключительно «оборотные стороны» Америки. Преподносятся антиамериканская информация. Это одна из причин, по которой я смотрю этот телеканал. Все, что они показывают, — правда. В Америке есть и другая сторона, но об этом не говорят.

Третий тип — наши либеральные СМИ, которые показывают уже другую сторону Америки.

Четвертый тип информации о США — более или менее взвешенная подача информации.

Среди немногих известных СМИ, в которых американская тема находит более или менее объективное освещение, я бы назвал «Московский комсомолец» (МК). В одном из номеров за февраль 2013 года была опубликована статья А. Минкина, в которой раскрывается лицемерный характер заботы российских депутатов о русских детях в США. Другая статья — «“Пехтинг” как массовое явление», показывающая цинизм антиамериканизма российского политического класса. Но в этом же номере опубликована статья «Сирия жестоких убийств», в которой раскрывается террористический характер сирийской оппозиции, поддерживаемой США.

Александр Сергеевич Запесоцкий, которого я очень уважаю, хотя моя оценка ученых существенно отличается от его оценки, несколько раз высказывался о США. Если бы сейчас Америка вела войну во Вьетнаме с такими же потерями, там возникло бы массовое антивоенное движение. Кроме того, у американских избирателей есть возможность по-другому выразить протест: они избрали президентом Обаму, который прекратил войну в Ираке и Афганистане. У Америки есть другая сторона, которая выпала из поля зрения наших средств массовой информации, поэтому мы имеем то, что имеем.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется профессору Марии Ивановне Козьяковой.

М. И. КОЗЬЯКОВА: — Мы говорили о корейском клипе, но не нужно обращаться к Корее, примеров достаточно и в России. Могу привести вопросы, которые переходят в разряд классификационных: сколько лет длилась Столетняя война, кто изобрел таблицу Мен-

делеева? На ЕГЭ мальчик ответил на вопрос, кто такой Гагарин: «Это первый человек, который сказал: “Понаехали”». Это будущий гражданин нашего так называемого демократического общества.

Несколько слов о демократии. Сразу вспоминается Древняя Греция. Но демократия в Греции была очень ограничена, только для избранных. Все остальные — это варварские племена, и демократия греков на них не распространялась, более того, она не распространялась и на местных жителей, которые официально не считались настоящими гражданами. В ходе дискуссии неоднократно вспоминают историю, говорили о варваризации. В истории постоянно происходят спады, мы все время «скатываемся» к варваризации. Когда пала Римская империя, 500 лет длилась эпоха варваризации. Сегодня прозвучала интересная мысль: «Нужно опуститься до уровня тех людей, которые существовали тогда». Здесь кроется небольшая неточность: интеллектуалы Средневековья, Фома Аквинский и другие отцы церкви говорили не «опуститься», а «опроститься», необходимо говорить на другом языке, чтобы тебя поняли, иначе невозможно «достучаться».

Главная проблема, которая стоит на повестке дня, — это объединение общества, выработка ценностей, на основе которых можно создать новый код идентичности. За прошедшее столетие дважды был разрушен комплекс идентичности. Первый раз — в 1917 году, когда все было разрушено до основания. Мы возрождаемся в качестве великой страны. А на каком основании? Ничего нового придумать нельзя, в основе этого возрождения лежат старые идеи, идеалы и ценности. В 1990-х вновь все было разрушено. Мы прокламируем абсолютно другие лозунги, отрицаем то, что было раньше.

Чего мы хотим? Действительно, мы получили варваризацию, потому что новое нужно создавать. Первое — с помощью диалога. Об этом виде диалога, к сожалению, на пленарном заседании не вспомнили, — это диалог элиты и общества. Кого у нас можно причислить к элите, а кого — к обществу? В средствах массовой информации муссируется понятие «национализация элит» — это возвращение капитала в страну, чтобы элита могла представлять национальные интересы. Это правильно, нужно идти дальше в этом направлении.

Второе — это национально ориентированная государственная политика, которая позволит защищать национальные интересы. Те поколения, которые уже выросли здесь, учить и образовывать, наверное, бессмысленно, можно аккуратно влиять на них, и рычаги этого влияния — массмедиа, к которым прислушивается население. В определенных интеллектуальных кругах стало модным говорить: «Мы не смотрим телевизор, у нас его нет». Скоро, наверное, будут говорить: «Я убрал все свои аккаунты из Интернета, меня там нет». Но Интернетом пользуются, поэтому понятно, что он останется. Задача для работников массмедиа в любой сфере, педагогов, старшего поколения — растить и возвращать эту смену. Это задача долговременная и сложная, и может возникнуть много препятствий

на этом пути, но другого выхода нет. Великая страна должна возродиться.

В. К. МАМОНТОВ: — К микрофону приглашается Виталий Николаевич Сероклинов.

В. Н. СЕРОКЛИНОВ: — Я привык больше писать и читать, чем говорить с трибуны. В докладах, которые размещены на сайте Университета, либо косвенно, либо напрямую говорится о необходимости вмешательства государства в культуру, где воцарился хам. Я с этим не совсем согласен, в том числе с автором доклада, в котором упоминался корейский товарищ. Завершается доклад тем, что кому-то нужно вмешаться в эту ситуацию. Вы имели в виду государство?

Л. В. МАТВЕЕВА: — Нет, не государство.

В. Н. СЕРОКЛИНОВ: — Вы говорите, что люди понимали смысл клипа как пропаганду педофилии. Мы видим разные смыслы, и ничего страшного в этом нет. Мне кажется, что любое вмешательство государства в культуру заканчивается либо трагедией, либо фарсом, либо глупостью. Пример трагедии известен по 1940-м годам, например постановление о журнале «Звезда», которое закончилось для многих смертью, кого-то посадили и т. д.

— *Не было смертей и никого не посадили.* (реплика из зала)

В. Н. СЕРОКЛИНОВ: — Я благодарен за поправку, давайте остановимся на том, что это была трагедия, которая сейчас может повториться, но, конечно, уже на другом уровне. В качестве примера фарса можно привести список рекомендованной литературы, составленный от имени государства Министерством образования. По поводу этого списка и либералы, и консерваторы, и русофобы, и русофилы дискутировали. Одним много Пелевина, другим мало Улицкой, третьим мало Пушкина. Все были недовольны. Глупостью, с моей точки зрения, было вмешательство представителей государства в проведение «Тотального диктанта».

Мне кажется, что государство должно предоставлять возможность дискутировать и собираться экспертам, то есть предоставлять структуру и возможность что-то решать экспертному сообществу. Только этим и должно заниматься государство, но не вмешиваться с обязательными указаниями, жесткими законами, которые ограничивают, но ни к чему не приводят. В том числе по знаковым культурным ситуациям: неправильно запрещать детям использовать Интернет. Но, к сожалению, я не знаю, как правильно.

— *Государство может выделять средства на культуру?* (вопрос из зала)

В. Н. СЕРОКЛИНОВ: — Я заинтересованное лицо, мне хочется, чтобы средств выделялось больше, но я понимаю, что государство не может угодить всем, врачам, наверное, деньги нужнее.

— *«Сибирские огни» выходят за счет государства, на бюджетные деньги?* (реплика из зала)

В. Н. СЕРОКЛИНОВ: — Государство выделяет средства, кроме того, существуют гранты, но мы постоянно должны защищаться, потому что в моем журнале половина авторов — новички, которые не печатались бы в нем при отсутствии финансирования. Поэтому я смотрю на этот вопрос с разных точек зрения. С одной стороны, хочется, чтобы государство давало деньги, с другой — я понимаю, что на всех не хватит.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Юрию Иннокентьевичу Вдовину.

Ю. И. ВДОВИН: — Для чего существуют средства массовой информации? Для реализации права граждан на получение информации, с тем чтобы на основе информированности граждане могли делать осознанный выбор в своих предпочтениях: от президентов до штатов. Кто-то скажет, что средства массовой информации должны формировать общественное мнение. Если мы используем слово «формировать», то в контексте «формировать общественное самосознание у граждан». Если мы будем исходить из этого, то многое из того, что сегодня обсуждалось, станет более понятным.

Печален вывод о том, что у нас ужасная молодежь, ужасные интересы. Я помню свое поколение, в молодости я был немного старше тех, кто позже стал хиппи. Сегодня мы говорим о 2 млрд просмотров корейского клипа. Вообще это свойственно не только «YouTube», по телевидению половина каналов такие. Хиппи, став взрослыми, обуржуазились и ведут себя вполне прилично. Я думаю, что и с этой молодежью произойдет что-то подобное. Просто мы живем в другом пространстве, с Интернетом, в котором человечество научится жить.

В ходе дискуссии было сказано, что Америка потребляет 42 % мировых энергетических ресурсов. Но на единицу продукции Россия тратит значительно больше энергоресурсов, чем американцы. Более того, американцы стремятся к экономии ресурсов, а мы не занимаемся этой проблемой.

— *В России холоднее. У нас 40 % территории находится севернее Полярного круга.* (реплика из зала)

Ю. И. ВДОВИН: — От того, что холоднее, у нас в стружку превращается 90 % металла? Америка на 5 % населения земного шара тратит 42 % энергетических ресурсов. Но это нельзя распространить на всех, потому что не хватит ресурсов.

Сейчас ведется много разговоров о национальной идее, государственных интересах. Мне кажется, что в нашей стране должна быть одна государственная или национальная идея — реализация прав и законных интересов граждан. Но пока она не стала таковой. Зато мы обижаемся, когда Витас становится центром телевизионных и радиотрансляций, события такого рода все средства массовой информации освещают с удовольствием.

Я в процессе своей деятельности занимался защитой двух профессоров Военно-механического института, которых по ложному обвинению в шпионаже в пользу Китая посадили на 12 и 12,5 лет. Мы провели интернет-конференцию Москва–Петербург, посвященную этому событию: в Москве на нее пришел один журналист, в Петербурге — два. Проблема защиты прав человека средствами массовой информации не интересует. Кроме того, многие журналисты говорят о том, что это все равно не выйдет в эфир. Мы живем в стране, в которой нет свободы слова, а из всех свобод для нас важнейшими являются свобода слова и свобода информации. Если этих свобод не будет, не будет никаких других свобод. Поэтому, воспитывая журналистов, мы должны научить их думать о свободе слова и их социальной журналистской функции, которой они должны служить.

В. К. МАМОНТОВ: — Такие выступления лишней раз подчеркивают, что у нас есть и свобода слова, и свободные дискуссии. Это тоже чрезвычайно важно. Я позволю себе сделать маленькое отступление. В Америке живет мой друг, редактор небольшой газеты в американском городе Гранд-Форкс (Северная Дакота). В молодости он был хиппи, теперь уже пожилой человек, возглавляет газету и абсолютно вписан в истеблишмент, у него все в порядке. Как проходят его субботние вечера? Он надевает старую куртку и идет к себе в гараж, где у него хранятся старые диски, там он слушает в наушниках старую музыку, “Jefferson Airplane” — о веществе, которое меняют сознание. Воскресенье посвящает домашним делам. Я не знаю, когда он настоящий. Может быть, человек так устроен, что он настоящий и тогда, и сейчас, просто сложная история. У него прекрасная семья, он обладатель Пулитцеровской премии за репортажи о спасении людей во время наводнения.

С. Л. ЛЕСКОВ: — Я некоторое время работал в Америке и знаю нескольких лауреатов Пулитцеровской премии. Любопытно, за что американцы ее присуждают. Кто-то сказал, что русские интересуются всем миром, а американцы — только собой. Статистика присуждения Пулитцеровской премии свидетельствует о противоположном. Мой знакомый, который возглавляет газету в Техасе (несмотря на то что Техас — самый большой штат в Америке, это, конечно, провинция), получил Пулитцеровскую премию за то, что в течение года эта техасская газета каждый месяц публиковала новостные материалы с расследованием о насилии в семье в разных странах мира: в Камбодже, Колумбии, Нидерландах, Америке, России. В эти страны выезжали журналисты, собирали материал, проводили расследования. Эти материалы ждала читательская аудитория, они пользовались успехом, это было важно для газеты и всех интересовало. Я не могу представить ни одну газету в нашей стране, которую бы эта тема заинтересовала не то что на протяжении года, а даже один материал о насилии в семье в Руанде. Это просто невозможно. Вселенная рядового американца значительно шире, чем вселенная россиянина. Это непреложный

факт, а не только мои впечатления. Можно посмотреть на сборы благотворительных фондов по поводу катастроф и катаклизмов.

В. К. МАМОНТОВ: — Завершая дискуссию, я попрошу высказаться Андрея Анатольевича Дятлова.

А. А. ДЯТЛОВ: — Мне понравился разговор, который сегодня состоялся. Я не первый раз присутствую в Университете на дискуссиях, но в этот раз произошло точное попадание в цель, такое нервно-правильное. Попытка переосмысления того, что мы делаем с аудиторией и какую аудиторию представляем в будущем, как нам нужно меняться. Я рад, что здесь прозвучали разные мнения и это не вызывает яростного отторжения. Здесь говорили о свободе слова. Обмен мнениями, а не осуждение других — это правильный путь.

Я очень болею за студенческую аудиторию. Мы, получившие классическое образование, говорим на глобальные, понятные нам (тем, кому за 40, 50) темы. Мне кажется, что пришла пора передать молодежи наши знания, при этом надо учитывать то, как они это воспринимают. И когда мы рассуждаем о том, кто они такие, кто мы такие, надо понимать, что время течет очень быстро.

Я, как большой любитель афоризмов, скажу: наши мысли и наше восприятие того, что происходит, надо вешать на точечные гвоздики. Во времена Александра Сергеевича Пушкина на часах не было секундной стрелки, то есть была иная протяженность времени, и то, как люди воспринимали время, было совершенно другим. Если мы это зафиксируем в сознании, то, может быть, многое поймем. Я благодарен за поправку коллег, что нужно не опуститься до уровня молодежи, а перейти на их язык. На наших часах по сравнению с их часами тоже нет секундной стрелки, молодежь развивается гораздо быстрее и уходит на другие площадки. Если мы туда не пойдем, то все, о чем мы сегодня говорили, то, как мы представляем наш культурный слой, образование, для них будет совершенно бесполезно. Взаимодействие должно проходить не на нашей, а на их площадке. И это мне кажется очень важным и сегодня во многих выступлениях прозвучало.

В. К. МАМОНТОВ: — Слово предоставляется Виталию Товиевичу Третьякову.

В. Т. ТРЕТЬЯКОВ: — Наше сотрудничество с СПбГУП будет продолжаться. В этом составе мы не первый раз собираемся. Хочется, чтобы состоялась если не развивающаяся дискуссия, то во всяком случае плодотворный разговор, в том числе и для студентов.

Здесь прозвучало, что пьяный Аполлон Григорьев на открытии памятника Пушкину сказал: «Пушкин — наше все». В данном случае он сказал правду. В связи с крахом ценностей европейской христианской цивилизации можно задать вопрос: почему зло так привлекательно? Но Бодлер написал «Цветы зла» до появления телевидения. Прогнозы и оценки часто не сбываются. Ужас в том, что сейчас о человеке, который два раза спел по телевизору или бросил две реплики, часто

похабные, говорят: «Это наше все». Главное — он сам уверен в этом. Между прочим, Аполлон Григорьев сказал это не при жизни Пушкина.

Вчера на пленарном заседании один из ораторов, вспоминая о расцвете русской интеллигенции (во всяком случае в мифах у русской интеллигенции было все хорошо, даже ее заблуждения), сказал, что даже «энергия заблуждения» интеллигенции вела вперед страну, общество, нашу цивилизацию. Сейчас это звучит не как красивая поэтическая метафора, а как предупреждение. Те, кто раньше назывался интеллигенцией, априори предполагалось, что это образованные, воспитанные люди, соизмеряющие свои поступки скорее с благом других, чем с собственным. В настоящее время с помощью современных СМИ, коммуникаций, в первую очередь сетевых, телевидения нам дают «энергию заблуждения» не интеллигенции, не образцовых людей, а невежд — в этом ужас. В сетях нет «энергии заблуждения» Лихачева и Бахтина, там совсем другие люди, которые не читали ни Бахтина, ни Лихачева. Берегитесь энергии заблуждения тех, кто сегодня говорит: «Я имею право на ошибку». Не всякому нужно давать микрофон, я в этом уверен, и вопрос цензуры здесь стоит не так, как раньше.

Обращаясь к студентам, хочу сказать. Вы будете работать в современных средствах массовой информации, если здесь учиться неслучайно. Я не во всем согласен с Лидией Владимировной, которая сказала, что все это делает не молодежь, а кто-то другой. Обсуждаемый ролик Gangnam style делали не 80-летние старики, а новое поколение. Продюсеры ссылаются на то, что это делается для молодежи. Когда вы окончите Университет и придете работать в средства массовой информации города Санкт-Петербурга, культурной столицы России, а возможно, и на федеральные каналы, ситуация будет в ваших руках. Конечно, вам не сразу разрешат снимать ролики, но если вы что-то подобное сотворите, будут решать, пускать ролик в эфир или нет. При этом вы будете ссылаться на то, что он интересен друзьям и людям вашего возраста. Моральный выбор будет за вами.

В ходе обсуждения студентка сказала, что такое возможно в любом мультфильме. Это был правильный ответ, но не полный. В советское время на журфаках и в редакциях практиковалась такая игра. В газете «Правда», тогда самой главной и известной, каждый день печатались передовые редакционные статьи без подписи автора, в колонке слева, они писались в ЦК КПСС и были посвящены интернационализму, марксистско-ленинской теории. Игра состояла в том, что нужно было прочитать передовицу из «Правды», чтобы все воспринимать в сексуальном смысле. Это вызывало смех. Люди, которые писали передовицы, ничего эротического не имели в виду. Напомню, что большинство сказок эротичны. Это восходит к фольклору, архетипам, все уже давно расшифровано, но тогда это либо честно называлось, либо для детей создавались детские версии сказок. А здесь наоборот, все скрывается и подается под фальшивой маркой. Именно в этом кроется нечестность, а не в том, что это открытие. Можно сочинить сценарий более

брутального ролика, но мы этого не делаем, а если делаем, то не обманываем. Хотите — смотрите, хотите — нет. В этом обман. И вам придется решать этот вопрос.

В. К. МАМОНТОВ: — Спасибо всем, кто принял участие в дискуссии, каждое мнение было интересным. Мне очень понравилось, я набрался идей. Это важная и полезная дискуссия. Мне импонирует, когда возникают образы. Дятлов привел образ часов без секундной стрелки. В производстве клипов, о которых мы говорили, используются миллисекунды. Существует специальная компьютерная программа iMovie, которая позволяет быстро изготовить нечто замороженное. Много времени займет подготовительный этап, необходимо проделать колоссальную умственную работу: что я хочу сказать, где найду, как обработаю? Месяц уйдет на подготовку, затем за 2 часа, зная технические законы, я быстро сделаю клип, потом можно будет его улучшить и т. д. Каждый человек это может сделать самостоятельно. Вопрос только в том, для чего мы это делаем, что мы хотим сказать? Кто-то хочет славы и популярности, конвертирует клип в деньги. О корейце (он никто с точки зрения мировой эстрады) никогда не узнали бы, но он хотел славы. Понимая, что на «Warner Brothers» он не попадет (там свои люди с цензурными, политическими ограничениями), PSY снял клип и разрушил барьеры, выложив его на «YouTube», а теперь уже люди из «Warner Brothers» хотят с ним встретиться. В первом клипе нужно было пробить стену, поэтому была соответствующая энергетика. На мой взгляд, клип отвратительный, но какая энергетика и мощь! А второй клип у него не получился (на порядок меньше количество просмотров). Культура начинает мстить, она показывает, кто ты на самом деле. Эта история очень показательная и глубокая.

В связи со сказками мне вспомнился советский мультфильм «Голубой щенок». Я ничего не представлял себе, кроме одинокой маленькой собаки голубого цвета. Ее тоже нужно любить, она не должна быть одинока. Есть ли в мультфильме подтекст, куда нас звали режиссеры? Молодое поколение, посмотрите мультфильм с этой точки зрения. Лидия Владимировна рассказала, как на все надо смотреть. Сексуальный подтекст можно разыскать везде.

Темы, которые мы сегодня затронули, очень важны.

— Прошу Вячеслава Семеновича Степина подытожить нашу дискуссию.

В. С. СТЕПИН: — Вообще сексуальные подтексты не всегда служат способом. Напыщенная истина, которой раньше могли следовать люди, утрачивает свое значение и приобретает комический смысл, и тогда этот прием начинает работать. Маркс сказал, что человечество весело расстается со своим прошлым. Это один из способов критики. В 1980-х годах мы смеялись над фразой, которая широко употреблялась в газетах: «Введение нового члена в политбюро с чувством глубокого внутреннего удовлетворения». Это то же самое,

что и игра, в которой сексуальные мотивы видны в передовицах. Раньше это никому не приходило в голову.

Тем не менее существуют серьезные вещи. В сегодняшнем разговоре я выделил две основные темы. Первая тема — говорилось о сегодняшнем дне, о том, что надо делать, о трудностях журналистики, важности осваивать новые технологии, тех проблемах, которые связаны с задачей сохранения незыблемых человеческих ценностей. Нельзя надо всем глумиться и все отрицать, потому что происходит оскотинивание человека.

Вторая тема, которая переключается с первой: процессы, которые сейчас происходят, — своеобразный индикатор того, что мы вступили в особую полосу, «фазовый переход». Эта полоса часто описывается как сложная система. Когда она развивается, на каком-то этапе старые связи начинают рваться, системе трудно воспроизводиться на основе старых программ, она не воспроизводится в том виде, в каком хотелось бы, и начинается поиск новых изменений. В период перехода в новое качество система может быть разрушена и возможно несколько сценариев развития. Никто не гарантирует, что будет реализован благоприятный сценарий. Более того, если говорить о современном развитии современной цивилизации, неблагоприятных сценариев больше, чем тех, которые выведут цивилизацию на новый виток развития.

Переходная полоса обычно описывается в терминах динамического хаоса, синергетики. Здесь есть точки бифуркации, где возникает множество сценариев. Кстати, их не бесконечное множество. На эту тему существуют работы отечественных авторов. Сергей Павлович Курдюмов немало внес в понимание процесса и закономерностей развития системы на стадии динамического хаоса. Число сценариев определено предельно развитием системы, характером внешней среды, но заранее сказать, какой из них реализуется, — трудно.

Происходит сложный интересный процесс, о котором писал Курдюмов, возникает режим, когда намечается «странный аттрактор», путь, русло, движение по какому-либо сценарию, а дальше все происходит самостоятельно, возможности прежних сценариев исчерпываются. В математике пока не существует процесса, позволяющего это описать, поэтому нужна новая теория вероятности с изменяющимися вероятностными мерами. Такую идею высказывал Холмогоров, но в целом эта стадия по-разному понимается.

Постмодернизм тоже осмысливает эту стадию и делает вывод: отныне будем жить в стадии динамического хаоса. Но это противоречит закономерностям развития всех сложных систем, потому что из хаоса всегда возникает новый порядок. С этой точки зрения важно проследить, что совершается сейчас в современной культуре, в том числе и в СМИ, какие возникают проблемы и возможности. Об этом говорил Виталий Тониевич: надо видеть гуманистические ориентиры, которые нельзя уничтожать, при всей критике современных отношений, неудачах властей должен быть индикатор.

Несколько слов о старом и молодом поколениях, молодежи эпохи Интернета. Здесь нет ничего такого,

что противоречило бы старому и новому пониманию мира. Молодежи вместе со старшим поколением придется искать новые пути. Вам жить в эту сложную эпоху. Не нужно думать, что это будет эпоха удовольствий, развлечений и роста потребления. Это проблемные вещи. Выросла новая молодежь. Я постоянно работаю со студентами и могу сказать, что студенческая аудитория СПбГУП прошла хороший отбор, здесь учатся хорошие студенты, но и в Московском университете достаточно умных людей.

В ходе дискуссии был поднят важный вопрос, связанный с «клиповым сознанием». Сергей Леонидович привел слова математика Арнольда о том, что общество потребления не нуждается в людях, обладающих рациональностью (это такой стиль мышления, позволяющий просчитывать и видеть, что из этого выйдет), нужны люди, которые увлечены, которые могут ускоренно потреблять. Действительно общество потребления возвращает таких людей. Я сослался на высказывание социолога Гелмера, который писал, что в современном обществе большая часть людей ориентирована на легкие занятия, не желает преодолевать трудности, если у них что-то не получается, в Интернете, виртуальной реальности игр, они ищут легкие пути. Если у человека не получается, допустим, победить в игре, он начинает новую игру, как бы возвращается вспять, но в жизни так не бывает. В реальности объект, если ты действуешь против его воли, дает тебе сдачу. В обществе фиксируется снижение общего тонаса рациональности, отсюда, по его мнению, проистекают заблуждения, околонучные вещи, псевдонаука, сужается круг людей, которые хотят всю жизнь заниматься наукой, поскольку это очень тяжелый труд.

Возникает вопрос: какой тип мышления сформируется, если так будет продолжаться? Нужна отлаженная система образования, все претензии, которые здесь предъявлялись к нашей системе образования, справедливы. В свое время Выготский и Лурия проводили исследования в Средней Азии, которые показали, что у людей традиционалистских культур другая ментальность. Не в том смысле, что они глупые, а в том, что они с трудом решают задачи, оторванные от действительности, абстрактные, например математические или логические задачи. Аксакала спросили: «Берлин — город в Германии, в Германии нет верблюдов, есть ли в Берлине верблюды?» Он ответил: «Наверное, есть. Может туда таджик пришел или киргиз». Он мыслит согласно логике здравого смысла, а не логике силлогизма. «У тебя три сына и 12 мешков муки. Сколько достанется каждому, чтобы было поровну? — Четыре». Делить аксакал умеет. Затем его спросили: «До соседнего кишлака 12 минут идти пешком, а на велосипеде — в 3 раза быстрее. За сколько можно доехать?» Он отвечает, что не знает, что он на велосипеде не ездил, может, за минуту, может, за две. Дети, которые изучили элементарный курс математики и естественных наук, быстро решали эти задачи.

Американские психологи по этой же методике провели в Либерии тестовые опросы и получили такие же ответы и результаты, хотя Средняя Азия и Либерия

не связаны между собой, между ними нет контактов. Это фиксация различия традиционалистской ментальности и ментальности, которая современной цивилизацией формируется через занятия наукой. Если в образовании исчезнет научная компонента, то у нас не будет людей, которые могут системно мыслить.

Современное студенчество знает больше, чем мы в их возрасте, они раскованнее, смелее, увереннее. Но среди них очень мало людей, обладающих системным мышлением, то есть умеющих по цепочке делать жесткие выводы, несмотря на то что это утомительно и требует волевых усилий, иногда результаты не сходятся и приходится начинать сначала. Это пробелы в нашем школьном образовании, их надо обязательно ликвидировать, потому что иначе у нас не будет людей, которые смогут предвидеть возможности социальных процессов, происходящих в мире.

Когда мы о чем-либо говорим, важно фиксировать историческую ситуацию развития, потому что в разных исторических ситуациях существовали разные культуры, разные ценности и разные смыслы. Хочу ответить Сергею Леонидовичу, что Сократ не занимался растлением молодежи, потому что во времена Сократа это не воспринималось как нечто из ряда вон выходящее. То, что его судили, — это легенда. У греков не было

такого жесткого осуждения однополых браков и т. д. Его осудили за то, что он развращал умы, он их тянул вверх, потому что ставил вопросы, которые затрагивают ценности жизни. Как всякий философ, он задавался вопросом: «С чего ты взял, что это добродетель? Давай подумаем вместе». Вообще такие вещи всегда значимы, важно, что остается в культуре. Остается в культуре не то, какой Пушкин (любил женщин и т. д.), хотя это великий человек, а стихотворение «Я помню чудное мгновенье». В остальном я с Сергеем Леонидовичем полностью согласен.

Две темы, которые я обозначил, сегодняшние проблемы и то, что связано с глобальным цивилизационным переходом, накладываются друг на друга. Мы сегодня нащупали это наложение. Это было и в выступлении Лидии Владимировны, в котором были обозначены важные идеи и важный сдвиг в понимании проблемы развития системы коммуникаций в нашей жизни.

В. К. МАМОНТОВ: — Я благодарю выдающегося ученого, прекрасного публициста Вячеслава Семеновича Степина за вклад в нашу дискуссию. Позвольте поблагодарить всех выступивших в дискуссии, а также всех, кто был в этом зале, за доброжелательную атмосферу, за активность.